

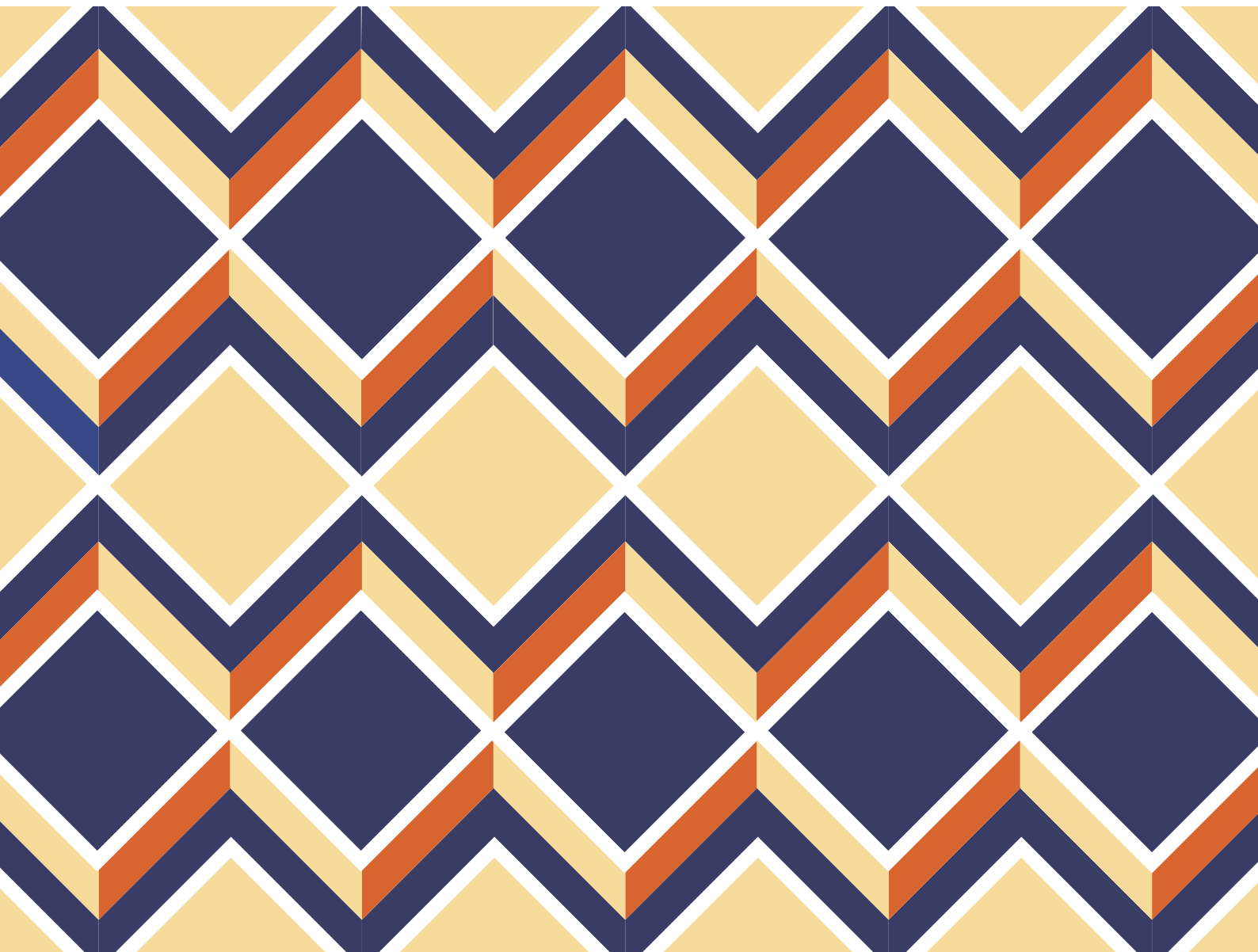

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

приоритет2030[^]
лидерами становятся

Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых

2024

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ
В РОССИИ:
ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ
И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЗАНЯТЫХ**

Экспертный доклад

Издательский дом
Высшей школы экономики

Москва, 2024

УДК 316.334.22
ББК 60.56
П37

<https://elibrary.ru/lpkrms>

Доклад подготовлен в ходе реализации стратегического проекта «Социальная политика устойчивого развития и инклюзивного экономического роста» по программе развития университета в рамках участия в программе Минобрнауки России «Приоритет 2030». Программа «Приоритет 2030» реализуется в рамках национального проекта «Наука и университеты».

Рецензенты:

Бычков Дмитрий Геннадьевич — канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Минфина России;
Феоктистова Олеся Александровна — канд. экон. наук, руководитель Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Минфина России;
Локтюхина Наталья Викторовна — докт. экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Минфина России, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Академии труда и социальных отношений

Авторы:

Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А.

Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад [Электронный ресурс] / О.В. Синявская [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Электрон. текст. дан. (0,35 Мбайт). — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 64 с. — ISBN 978-5-7598-4067-1 (e-book).

Платформенная занятость — активно развивающийся в мире и в России сегмент нестандартной занятости, который охватывает деятельность физических лиц (платформенных занятых) по личному выполнению работ или оказанию услуг, организуемую с использованием информационных систем (цифровых платформ). Представленный доклад посвящен оценке динамики численности платформенных работников в России в 2022–2024 гг. и изучению того вклада, который вносит платформенная экономика в расширение экономической активности и повышение доходов населения. Авторы анализируют тенденции распространенности платформенной занятости и спроса на такой формат за последние два года, а также выделяют группы населения, для которых платформенная занятость является приоритетной и способствует повышению экономической активности (становится единственным вариантом полного или частичного включения в рынок труда), и исследуют их характеристики.

Материалы доклада предназначены для широкого круга читателей, в том числе для лиц, принимающих решения в области политики на рынке труда, социальной политики, экспертного и научного сообщества, журналистов.

УДК 316.334.22
ББК 60.56

Режим доступа:
<https://publications.hse.ru/books/936765274>

doi:10.17323/978-5-7598-4067-1

ISBN 978-5-7598-4067-1

© Синявская О.В., Бирюкова С.С.,
Карева Д.Е., Стужук Д.А., 2024
При перепечатке ссылка обязательна.

Содержание

Резюме доклада.....	4
Введение	8
1. Связь платформенной занятости с экономической активностью и доходами социально уязвимых групп населения. Обзор существующих исследований.....	11
1.1. Распространенность и общая характеристика платформенной занятости в мире	11
1.2. Платформенная занятость молодежи.....	14
1.3. Женщины в платформенной экономике	16
1.4. Платформенная занятость в старшем возрасте и при ограничениях по здоровью.....	18
1.5. Платформенная занятость для жителей отдаленных и сельских территорий.....	19
2. Оценки распространенности платформенной занятости в России и социально-демографический портрет платформенного работника в 2022–2024 гг.	21
2.1. Распространенность и ключевые характеристики платформенной занятости по данным Обследования рабочей силы Росстата	21
2.2. Платформенная занятость в зеркале данных выборочных обследований населения НИУ ВШЭ	24
2.2.1. Распространенность платформенной занятости и интерес к ней.....	24
2.2.2. Социально-демографический портрет платформенно занятых в России	27
2.2.3. Мотивы и паттерны включения в платформенную занятость.....	32
2.2.4. Стратегии поведения на платформах	38
3. Связь платформенной занятости с экономической активностью и доходами социально уязвимых групп населения. Оценки на данных обследований НИУ ВШЭ	44
Заключение	52
Список использованных источников.....	57
Приложение. Методика оценки вклада платформ в занятость населения на основе выборочного опроса населения.....	61
Авторы доклада	63

Резюме доклада

- Платформенная занятость — активно растущий как в мире, так и в России сегмент нестандартной занятости с использованием онлайн-платформ и цифровых технологий. **В 2022–2023 гг., согласно оценкам Всемирного банка, комбинирующим информацию из нескольких источников, в платформенную занятость были включены порядка 154–435 млн человек, или от 4,4 до 12% мировой рабочей силы в зависимости от метода учета.** Данные опросов населения по программе Обследований рабочей силы (ОРС), как правило, дают более скромные оценки: в 2021 г. в общем числе занятых платформенные работники составляли от 0,5% в Чили до 4% на Филиппинах. В России, по данным ОРС Росстата, этот показатель в 2022 и 2023 гг. составлял 4,9% и 4,6% занятых соответственно. ОРС в настоящий момент является единственным источником официальных оценок распространенности платформенной занятости в России.
- По оценкам Всемирного банка и МОТ, **платформенные занятые в среднем оказываются моложе занятых на традиционном рынке труда, включая занятых в секторе услуг, а также неформально занятых,** хотя возрастной профиль платформенных занятых изменяется по секторам экономики и в зависимости от характера предоставляемых услуг. **Среди платформенных занятых в мире в среднем больше мужчин,** однако включенность женщин в платформенную экономику варьирует по странам и в зависимости от сектора экономики. В России, по оценкам НИУ ВШЭ, соотношение мужчин и женщин в платформенной экономике примерно равное.
- Обзор исследований показывает, что **низкие барьеры на вход в платформенную экономику, как и предоставляемые ею автономия и гибкость, делают платформенную занятость привлекательным форматом дополнительной занятости для работников «традиционной» экономики, а также основной занятости — для групп, уязвимых на обычных рынках труда и испытывающих трудности с поиском работы.** У двух из трех платформенных работников, по оценкам Всемирного банка, и у 70%, по оценкам МОТ, она дополняет основную работу на регулярной или эпизодической основе, однако этот показатель варьирует в зависимости от сектора экономики и уровня развития страны. В странах с высоким уровнем дохода платформенная занятость чаще оказывается дополнительной к основной работе на традиционном рынке труда, а в странах с более низкими доходами — основной.
- Как свидетельствуют исследования, платформенная занятость вносит вклад в смягчение проблемы высокой безработицы и снижение регионального неравенства, так как способствует созданию новых рабочих мест, а также расширяет возможность получения трудовых доходов за пределами местного рынка труда (актуально для небольших

городов и сельской местности). **Наибольшим потенциалом повышения экономической активности платформы обладают для таких групп населения, как женщины (особенно с маленькими детьми) и молодежь**, что во многом обусловлено значимостью для них гибкости рабочего графика, позволяющей совмещать экономическую активность с уходом за детьми или с учебой. **Больше возможностей для получения дохода платформы открывают и для людей старшего возраста, людей с ограничениями здоровья, лиц, занимающихся уходом за пожилыми и инвалидами, а также для жителей отдаленных и сельских территорий.** Фактором, ограничивающим эти возможности, по-прежнему остается цифровое неравенство.

- По оценкам НИУ ВШЭ на основе специальных выборочных опросов населения, **общий охват населения в возрасте 18–72 лет платформенной занятостью в России увеличился с 14,6% в апреле 2022 г. до 16,0% в апреле 2024 г., в том числе регулярной платформенной занятостью — с 3,2 до 3,5%, а эпизодической — с 11,4 до 12,5%.** Генерализация данных показывает, что численность регулярной платформенной занятости увеличилась с 3,4 млн человек в начале 2022 г. до 3,7 млн человек в начале 2024 г. Таким образом, по сопоставимым опросным данным, **включенность российского населения в платформенную экономику находится на достаточно высоком по меркам других стран уровне.**
- Средняя длительность платформенной занятости на протяжении недели до проведения анкетирования по всем респондентам, охваченным таким форматом занятости, составила 10 ч (это включает как поиск заказов и клиентов на платформах, так и непосредственно выполнение работ). При этом **те, кто указал платформенную занятость в качестве основной, в среднем тратили на нее 28,9 ч,** регулярно подрабатывающие через платформы в дополнение к основной занятости — 11,3 ч, а занятые на платформах эпизодически — 4,7 ч в неделю.
- Средний доход от работы через онлайн-платформы у всех респондентов, вовлеченных в такую занятость независимо от регулярности, в начале 2024 г. составил 21,3 тыс. руб. в месяц, увеличившись на 6,3 тыс. руб. (+41%) по сравнению с началом 2022 г. Среди респондентов, указавших онлайн-платформы в качестве основной работы, средний доход от этого вида деятельности вырос с 31,5 тыс. до 48,8 тыс. руб. в месяц (+55%), среди регулярно подрабатывающих с использованием платформ доход сократился с 19,3 тыс. до 18,2 тыс. руб. в месяц (–6%), а среди подрабатывающих эпизодически — увеличился с 9 тыс. до 14,5 тыс. руб. в месяц (+41%).
- Среди тех, кто на момент опроса не имел опыта платформенной занятости, в 2022 г. возможность выйти на платформы рассматривали 27,7%, а в 2024 г. — 30,3% (+2,6 п.п.). Максимальную готовность включаться в платформенную занятость в 2022 г. показывали безработные респонденты (52,2%), женщины в отпуске по беременности и родам или по уходу за ребенком (49,3%), а также учащиеся и пока не работающие (41,4%). В 2024 г. лидерами стали женщины в отпуске по беременности и родам или по уходу за ребенком (53,1%), за ними следуют безработные (50,6%), а также болеющие или нетрудоспособные длительное время или постоянно (41,7%). Среди учащихся и не-

работающих в 2024 г. доля рассматривающих возможность выйти на платформы не-много сократилась и составила 39,6%.

- При этом полученные данные позволяют предположить, что **происходит постепенная формализация платформенной занятости**. Так, в 2022 г. полностью или частично оформляли официально свои работы через платформы 51,4% вовлеченных в этот формат экономической деятельности, а в 2024 г. — 54,5%. **Основным драйвером этого процесса стало развитие самозанятости (регистрация в качестве плательщика налога на профессиональный доход)**: в 2022 г. таким образом обозначили себя 34,6% официально оформлявших работы платформенно занятых, а в 2024 г. — уже 45,9%.
- Данные опроса НИУ ВШЭ подтверждают результаты других исследований в том, что платформенная занятость **обеспечивает возможность экономической активности группам населения, для которых трудоустройство на традиционном рынке труда по каким-либо причинам недоступно**. Так, в 2024 г. 36% платформенных занятых указали, что вышли на онлайн-платформы потому, что не могли найти другую работу, которую можно выполнять из дома; 34% — потому, что не могли найти другую работу с подходящим графиком; 25% — потому, что в принципе не могли найти никакую другую работу. Среди тех, для кого платформенная занятость является основной, 46% выбрали этот формат потому, что не могли найти другую работу с подходящим графиком.
- **Треть занятых, для которых работа через платформы является основной, вышли на них в дополнение к основной работе, а со временем полностью перешли на такой формат.**
- В структуре платформенных занятых, по оценкам на данных выборочных обследований НИУ ВШЭ, около половины приходится на работающих респондентов, не находящихся на пенсии: в 2022 г. доля этой группы среди имевших опыт платформенной занятости достигала 48,3%, а в 2024 г. — 51,8%. Следующая по наполненности категория — пенсионеры, совокупная доля которых в численности платформенных занятых в 2022 г. составила 21,7%, снизившись в 2024 г. до 20,4%. Наконец, третья группа — это учащиеся, их доля возросла с 17,0% в 2022 г. до 17,4% спустя два года.
- **В то же время наибольшее значение с точки зрения получения трудового дохода в России платформы имеют для групп с самыми жесткими ограничениями по графику и формату работы**: для женщин с тремя и более несовершеннолетними детьми или с детьми младше 3 лет, для лиц с инвалидностью, студентов. Таким образом, платформы вносят важный вклад в развитие инклюзивной занятости и поддержку доходов семей с детьми.
- К основным преимуществам платформенной занятости россияне относят расширение базы заказчиков за рамки своего места проживания, возможность работать из дома, гибко и автономно планировать собственный график. К основным недостаткам — отсутствие оплачиваемого больничного и отпуска, а также нестабильность заработка. При этом **преимущества платформенной занятости в целом видятся более**

явными (получают более высокие оценки по 4-балльной шкале поддержки), **чем ее недостатки.**

- **Наиболее распространенной сферой среди всех, кто имел какой-либо опыт платформенной занятости на момент опроса, оказались услуги репетиторства и преподавания** (ее отметили 17,0% платформенных занятых), **услуги в сфере информационных технологий** (14,7%), **а также услуги пассажирских и грузовых перевозок и курьерской доставки** (суммарно 13,3%). В 2022 г. в аналогичные сферы были включены 21,1%, 17,3% и 13,7% платформенных занятых соответственно.
- **Наиболее популярные платформы в 2024 г. — Авито.Услуги** (на ней зарегистрированы почти 50% россиян, имеющих опыт платформенной занятости). За ней идут платформы, специализирующиеся на услугах такси и доставки, их используют 23,4% платформенных занятых, в том числе 13,9% используют экосистему Яндекс.Го; затем — платформы Яндекс.Услуги (22,8%) и Профи.ру (19,0%). **При этом среди всех платформенных занятых 51,6% зарегистрированы на одной платформе, 27,7% — на двух, 20,7% — на трех и более.** Среди тех, для кого платформенная занятость является основной, аналогичные показатели составляют 61,6%, 20,3% и 18,1%. Описанная ситуация может стать одним из технических барьеров в развитии регулирования сегмента платформенной занятости.

Введение

Платформенная занятость — активно растущий как в мире, так и в России сегмент нестандартной занятости с использованием онлайн-платформ и цифровых технологий, который, впервые появившись в наиболее развитых странах, в последние годы особенно интенсивно растет в странах со средним и низким уровнями дохода [World Bank, 2023]. То, каким образом появление платформ и алгоритмов меняет властные отношения на рынке труда, к каким последствиям это приводит с точки зрения перспектив занятости, характера труда, его продолжительности и оплаты, привлекает внимание ученых — социологов, юристов, экономистов — на протяжении последних 10–15 лет [Стребков, Шевчук, 2010; Kittur et al., 2013; Agrawal et al., 2015; Kuhn, Maleki, 2017; Berg et al., 2018; Срничек, 2019; Шевчук, 2020; Чесалина, 2020; Rani et al., 2021; Van Doorn et al., 2023].

Вместе с тем эти исследования, показывая поистине драматичный характер происходящих в сфере труда изменений, фокусируются, как правило, на отдельных профессиональных группах нового сегмента экономики — чаще всего на фрилансерах [Стребков, Шевчук, 2022] или таксистах и курьерах [Angrist et al., 2021; Шевчук и др., 2021; Wu et al., 2022]; либо на том, какое место в платформенной экономике занимают отдельные социальные группы — молодежь [Lombana-Bermudez et al., 2020; Гурова, 2023], женщины [Piasna, Drahoukoupil, 2017; Churchill, Craig, 2019; Kasliwal, 2020; Вилкова, 2020; Rani et al., 2022] или пожи-

лые [Berde, Tóké, 2020; Ниорадзе, 2022], какие оси неравенства при этом возникают. Крайне редко — в основном в докладах международных организаций [European Commission, 2018; Eurofound, 2020; Rani et al., 2021; World Bank, 2023; ILO, 2024] — получается посмотреть на «слона» целиком, попытавшись определить платформенную занятость и измерить ее масштабы. Однако пока — как в известной притче о слепых и слоне — прийти к конвенциональному определению платформенной занятости и единому термину для ее обозначения не удается, чему, безусловно, в немалой степени способствуют внутренняя неоднородность и изменчивость самого объекта изучения.

В рамках настоящего доклада под платформенной занятостью понимается деятельность физических лиц (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг, организуемая с использованием информационных систем (цифровых платформ), которые обеспечивают взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Это определение наиболее близко тому, которое используют в своей работе Х. Хаубен с коллегами [Hauben et al., 2020], а также формулировке, обсуждавшейся в 2023 г., но не вошедшей в итоговую версию закона о занятости.

Доклад, который мы представляем вниманию читателей, подготовлен в рамках

стратегического проекта «Социальная политика устойчивого развития и инклюзивного экономического роста», а его авторы — сотрудники Института социальной политики НИУ ВШЭ. И это определяет ракурс нашего исследовательского интереса к платформенной занятости, на которую мы смотрим прежде всего с позиций ее вклада в благополучие населения и связи с социальной политикой. В основе доклада — результаты исследования, целью которого были анализ тенденций развития платформенной занятости в России на протяжении последних двух лет (с весны 2022 г. по весну 2024 г.) и оценка потенциала платформенной занятости как инструмента повышения экономической активности и доходов населения.

Отсутствие конвенциональных определений платформенной занятости дополнительно осложняет возможности ее эмпирического измерения и учета. Хронологически первым и более простым методом измерения общего числа лиц, включенных в платформенную экономику, были выборочные опросы населения, в том числе в рамках национальных Обследований рабочей силы (ОРС), реализуемых статистическими ведомствами [Синявская и др., 2021; ILO, 2024]. Тем не менее даже внутри опросных данных может быть вариация масштабов платформенной занятости в зависимости от принятого определения, категорий населения, охваченных опросом, метода опроса и т.п. Более новым — впрочем, опирающимся на традицию измерения числа фрилансеров на основе данных соответствующих платформ [Стребков, Шевчук, 2022] — является измерение платформенной занятости с использованием больших данных [World Bank, 2023].

Согласно оценкам Института социальной политики НИУ ВШЭ (далее — ИСП НИУ ВШЭ), весной 2022 г. опыт платформенной занятости имелся у 14,6% россиян 18–72 лет, из которых 1,6% указали работу посредством платформ в качестве основной, и еще 1,6% — в качестве регулярной дополнительной занятости [Синявская и др., 2022]. Это позволило выйти на оценки порядка 3,4 млн человек, активно включенных в платформенную экономику, что было близко оценкам Росстата, полученным на данных ОРС за 2022 г., — 3,5 млн человек [Там же].

Значительная волатильность процессов на российском рынке труда в последние два года, включая образовавшийся в последний год дефицит трудовых ресурсов, могла повлиять на динамику платформенной занятости в различных направлениях. Поэтому один из вопросов, на которые отвечает настоящее исследование, состоит в оценке текущих масштабов платформенной занятости, выполненной на тех же методологических принципах, что и в 2022 г.

Одна из причин, по которым трудно получить точную оценку платформенной занятости, состоит в том, что она зачастую дополняет основную работу в «традиционной» экономике. Оценки масштабов такого совмещения варьируют по странам и в зависимости от подходов к измерению платформенной занятости [World Bank, 2023; ILO, 2024]. Согласно данным ИСП НИУ ВШЭ за 2022 г., они значительны и в России [Синявская и др., 2022]. И это, по-видимому, влияет на спрос занятых на платформах на социальные гарантии [Там же]. Гораздо меньше известно о том, насколько возможности вторичной занятости в платформенной экономике зависят от ее сектора¹. Настоящее

¹ Данные МОТ свидетельствуют о том, что вариация основной и дополнительной платформенной занятости в различных секторах может быть очень значительной [ILO, 2024].

исследование позволяет расширить наши знания в этой области.

Низкие барьеры на вход в платформенную экономику, как и предоставляемая ею автономия и гибкость, делают платформенную занятость привлекательным форматом дополнительной занятости для работников «традиционной» экономики, а также основной занятости — для групп, уязвимых на обычных рынках труда, испытывающих трудности с поиском работы [Синявская и др., 2022]. К их числу относятся: молодые люди без опыта или с небольшим опытом работы, одинокие или многодетные родители, женщины с маленькими детьми, инвалиды и лица с ограничениями в здоровье, лица старшего возраста, включая предпенсионеров, и др. Несмотря на то что в многочисленных экспертных дискуссиях и публикациях признается потенциально важная роль платформенной занятости в расширении экономической активности этих уязвимых групп, более пристальное изучение мотивов их включения в платформенную экономику начато относительно недавно, а оценки масштабов включенности остаются пока очень ограниченными [World Bank, 2023; ILO, 2024]. Поэтому второй важный вопрос настоящего исследования связан с определением роли платформенной экономики в расширении доступа различных уязвимых групп к доходам от занятости в современной России.

Информационной базой исследования стали научные и экспертные публикации по вопросам платформенной занятости на русском и английском языках (доклады международных и российских организаций, доклады/записки правительств зарубежных стран, экспертные и научные публикации на русском и английском языках,

вышедшие за последние 5 лет с фокусом на последние 3 года), табличные данные Обследований рабочей силы Росстата, характеризующие платформенную занятость, микроданные выборочных онлайн-опросов населения, одно из которых было проведено ИСП НИУ ВШЭ в 2022 г., а второе — в 2024 г. в интересах настоящего исследования, а также материалы фокус-групповых дискуссий с платформенными занятыми 2022 г.

В первом разделе доклада на основе обзора существующих исследований раскрывается связь платформенной занятости с экономической активностью и доходами социально уязвимых групп населения. В фокусе внимания находятся открываемые платформенной экономикой возможности повышения экономической активности молодежи, женщин (в том числе с детьми), лиц старшего возраста и с ограничениями в здоровье, а также жителей отдаленных территорий и сельской местности. Второй раздел доклада содержит оценки распространенности платформенной занятости в России и характеристики социально-демографического портрета платформенного работника в 2022–2024 гг., полученные на основе данных Обследований рабочей силы Росстата, двух выборочных онлайн-опросов населения, проведенных Институтом социальной политики НИУ ВШЭ в апреле 2022 и 2024 гг., и материалов фокус-групповых дискуссий. В третьем разделе доклада представлены результаты исследования связи платформенной занятости с экономической активностью и доходами социально уязвимых групп населения, полученные на материалах специальных выборочных онлайн-опросов населения, проведенных ИСП НИУ ВШЭ в 2022 и 2024 гг.

1. Связь платформенной занятости с экономической активностью и доходами социально уязвимых групп населения. Обзор существующих исследований

1.1. Распространенность и общая характеристика платформенной занятости в мире

Платформенная занятость — активно растущий сегмент нестандартной занятости, масштабы которой, как было сказано ранее, трудно оценить как в силу инновационности и разнородности самой экономики платформ — постоянно появляющихся новых платформ и форматов работы, так и из-за отсутствия конвенционального определения платформенной занятости и ее зачастую дополнительного к основному занятию характера. В результате полные, несмещенные и надежные данные, позволяющие оценить ее реальный масштаб, отсутствуют, а имеющиеся оценки платформенной занятости очень сильно разнятся. Соответственно, стоит относиться к ним с разумной осторожностью и рассматривать их с учетом методологии, с помощью которой они были получены.

По актуальным оценкам Всемирного банка, комбинирующим информацию из нескольких источников по состоянию на 2022–2023 гг., в платформенную занятость (*gig workers*) были включены около 154–435 млн человек, или от 4,4 до 12% мировой рабочей силы в зависимости от метода учета [World Bank, 2023]. С этими оценками согласуются полученные экспертами Международной организации труда (МОТ) на основе комбинирования нескольких источников данные оценки числа фрилан-

серов — работников онлайн-платформ, которых в 2020 г. насчитывалось около 163 млн человек, в том числе 14 млн — активных, т.е. выполнивших хотя бы один проект [Kässi et al., 2021]. Важно подчеркнуть, что данные опросов населения, которые чаще всего проводятся на национальном уровне, как правило, дают более скромные оценки. Например, в общем числе занятых платформенные работники составляли от 0,5% в Чили (2021 г.), 0,8% во Франции (2017 г.) до 4% на Филиппинах (2021 г.) [ILO, 2024, p. 17].

В силу высокой внутренней неоднородности платформенной занятости обобщенный портрет платформенного работника изобразить едва ли возможно — в значительной мере он будет варьировать в зависимости от типа платформы и вида экономической деятельности. Тем не менее, по оценкам Всемирного банка и МОТ, платформенные занятые в среднем оказываются моложе занятых на традиционном рынке труда, включая занятых в секторе услуг, а также неформально занятых. При этом в сегменте перевозок возрастной разрыв между «традиционными» и платформенными работниками ниже, чем, например, в сфере курьерской доставки. Среди платформенных занятых в среднем больше мужчин, однако включенность женщин в

платформенную экономику варьирует по странам (например, в Латинской Америке или Малайзии доля женщин на платформах больше, чем вне их) и в зависимости от сектора экономики (мужчины доминируют в сегментах перевозок и доставки, женщины — в сфере ухода, бытовых услуг и бьюти-услуг и т.п.).

Оценки структуры платформенных работников по уровню образования также сильно различаются в зависимости от источника данных и того, какие платформы (глобальные или локальные) и какие сектора платформенной экономики включаются в анализ. Так, например, платформенные работники во многих странах имеют в среднем более высокий уровень образования, но это особенно справедливо для онлайн-платформ, привлекающих фрилансеров [ILO, 2024, p. 24], а также при сравнении платформенных работников с неформально занятыми и занятыми в сфере услуг [World Bank, 2023, p. 90]. При этом свыше 70% платформенных работников не имеют третичного образования, и доля лиц с низким уровнем образования выше на локальных платформах [World Bank, 2023].

Платформенная занятость — важный источник повышения уровня доходов работающего населения: у двух из трех платформенных работников, по оценкам Всемирного банка, и у 70%, по оценкам МОТ, она дополняет основную работу на регулярной или эпизодической основе [ILO, 2024, p. 21]. Распространенность платформенной занятости в качестве основного или единственного занятия зависит от сектора занятости — для более чем четырех из пяти платформенных работников, занимающихся доставкой или перевозками, эта работа основная или единственная [ILO, 2024].

Эксперты отмечают, что платформенная экономика, появившаяся изначально в наиболее развитых странах, все больше

проникает в развивающиеся экономики. Несмотря на то что основной спрос на платформенный труд по-прежнему формируют платформы развитых стран, развитие локальных и региональных платформ очень активно происходит в странах с доходом ниже среднего и чуть медленнее — в странах с доходом выше среднего [ILO Online Labour Observatory]. При этом на страны с низким и средним уровнями дохода, к числу которых относится и Россия, приходится 40% трафика онлайн-платформ, а спрос на онлайн-работников в этих странах, как показывает опрос платформ, растет даже быстрее, чем в развитых странах [World Bank, 2023]. Можно предположить, что это связано с тем, что для онлайн-платформ работники из более бедных стран привлекательны меньшей стоимостью их труда, а для жителей стран со средними и низкими доходами занятость на них открывает возможности работать на глобальном рынке труда, не меняя место жительства, либо легче находить работу на локальном рынке труда, практически ничего не теряя в силу меньшего охвата социальными и трудовыми гарантиями и их низкого уровня, чем в наиболее развитых странах. Ряд исследований указывают на то, что в менее развитых странах платформенная занятость более ценна для людей, которым (в отсутствие альтернатив) она позволяет получать доход; в то время как в развитых странах с высоким уровнем дохода платформенная занятость чаще является дополнительной [Fabo et al., 2017]. В литературе можно найти и свидетельства того, что в развитых странах платформенная занятость набирает популярность и в качестве основной работы [ILO, 2024, p. 21], вероятно, привлекая в том числе квалифицированных работников в связи с доступом к глобальным рынкам заказов и большей гибкостью условий труда.

В любом случае платформы становятся важным инструментом расширения возможностей экономической активности и сглаживания регионального неравенства, особенно в странах с более низкими доходами [World Bank, 2023]. Платформенная занятость вносит вклад в смягчение проблемы высокой безработицы, поскольку способствует созданию новых рабочих мест, а также расширяет возможность получения трудовых доходов за пределами местного рынка труда (актуально для небольших городов и сельской местности) [Fabo et al., 2017; Hoang et al., 2020].

Новые рабочие места, создаваемые в платформенной экономике, обладают рядом специфических характеристик — это прежде всего низкие барьеры входа, большая свобода в выборе времени (гибкий график) и места (возможность работать из дома) работы, что отличает их от стандартных рабочих мест. В связи с этим открываются возможности для людей, испытывающих трудности с трудоустройством на традиционном рынке труда [Hoang et al., 2020; Gerber, 2022; World Bank Blogs, 2023; EIGE and Eurofound, 2023; ILO, 2024]. Перечень категорий таких работников широк: это справедливо, например, для молодежи, не имеющей опыта работы, студентов, людей с ограничениями в здоровье или обремененных семейными обязанностями, такими как уход за детьми или взрослыми с дефицитами в самообслуживании [Hoang et al., 2020], для людей старшего возраста (предпенсионеров и пенсионеров), трудовых мигрантов, работников с относительно низким уровнем квалификации [Синявская и др., 2021; World Bank, 2023; World Bank Blogs, 2023]. В ряде исследований отмечается, что значительная доля платформенных занятых до выхода на платформы осуществляли уход за детьми, пожилыми или инвалидами [Berg, 2016].

Это указывает на потенциал платформ для включения людей, занимающихся уходом, в рынок труда [Fabo et al., 2017]. Фактором, ограничивающим эти возможности, по-прежнему остается неравенство в доступе к Интернету [World Bank, 2023].

Однако, несмотря на широко признаваемую роль платформенной занятости в расширении возможностей экономической активности потенциально уязвимых и нуждающихся групп, современные исследования не позволяют дать однозначный ответ на вопрос о том, улучшает ли платформенная занятость положение этих групп населения или ставит их в еще более уязвимое положение [Hoang et al., 2020]. Ряд исследователей полагают, что платформенная занятость, напротив, обостряет некоторые проблемы; в частности, в силу ее высокой внутренней гетерогенности она, скорее, «реорганизует нестабильный труд» [Fabo et al., 2017], перенося социальное неравенство с традиционного рынка труда в цифровое пространство [Hoang et al., 2020]. Так, обзор страновых исследований, выполненных преимущественно в развитых странах, показывает, что лица с меньшим уровнем человеческого капитала, квалификации и опытом работы продолжают быть представлены в низкооплачиваемых, низкоквалифицированных и менее защищенных сферах [Fabo et al., 2017]. Например, исследование, проведенное в США, свидетельствует, что те платформенные работники, которые считают свой доход от платформенной занятости существенным или крайне важным для жизни, чаще оказываются заняты выполнением работ, не требующих высокой квалификации (доставка, перевозки, работы по дому и т.п.) и предлагающих меньший уровень вознаграждения по сравнению, например, с фрилансерами [Hoang et al., 2020].

Общими барьерами, препятствующими более активному вовлечению уязвимых на традиционном рынке труда групп населения в платформенную экономику, выступают различные проявления цифрового неравенства. Отсутствие доступа к Интернету наиболее актуально для бедного населения, жителей экономически менее развитых регионов, сельской местности, а также в целом для граждан наименее развитых стран [ILO, 2022; Braesemann et al., 2022; World Bank, 2023]. Недостаточность образования и цифровых навыков для подключения к платформам также характерна для стран с низким и средним уровнями дохода и, кроме того, для лиц с более низким уровнем образования, граждан старшего

возраста, мигрантов, женщин в развивающихся странах [Kasliwal, 2020; ILO, 2022; 2024]. Эти барьеры указывают на необходимость обеспечения равных возможностей всех уязвимых групп (в части как образования и навыков, так и доступа к Интернету) для их полноценного вовлечения в платформенную занятость. По мере того как насыщается обеспеченность населения смартфонами с возможностью выхода в приложения платформ, все более актуальной становится задача развития цифровых навыков наиболее уязвимых социальных групп. Вместе с тем стоит отметить, что оба барьера не являются ярко выраженными в России (возможно, за исключением группы людей старшего возраста).

1.2. Платформенная занятость молодежи

В целом роль платформенной занятости в расширении возможностей вовлечения уязвимых групп в рынок труда отмечается в научной и экспертной литературе достаточно часто, однако эмпирические оценки пока немногочисленны и касаются преимущественно положения таких групп, как женщины и молодежь.

Молодое поколение все чаще выбирает работу через платформы в качестве наиболее привлекательного варианта занятости. Именно молодые люди, особенно в странах с доходом ниже среднего, составляют большую часть платформенных занятых, преимущественно это студенты и не учащаяся молодежь в возрасте до 30 лет [World Bank, 2023]. В России платформенные работники также представлены в основном молодым поколением. По результатам наиболее актуального исследования Центра стратегических разработок (ЦСР)

[Центр стратегических разработок, 2024], доля молодежи до 35 лет в платформенной занятости, по данным на 2023 г., составляет 52% (в том числе 19% в возрасте до 25 лет, 33% — от 25 до 35 лет). Однако при этом средний возраст платформенных работников с 2021 г. вырос на 5 лет (с 31 до 36 лет)¹. По данным Обследований рабочей силы Росстата, в 2023 г. 55,5% всех платформенных работников были моложе 40 лет, из них 19,2% — моложе 30 лет и 36,3% — в возрасте 30–39 лет [Росстат. Итоги выборочного обследования рабочей силы].

Вполне логично предположить, что с лучшей адаптацией современной молодежи (преимущественно речь идет о поколении Z) к быстро развивающейся цифровой среде и хорошо развитыми цифровыми навыками работа посредством онлайн-платформ является для них одним из перспективных форматов занятости [Гурова, 2023].

¹ Исследование проведено в конце 2023 г. при помощи структурированных онлайн-интервью по многоступенчатой сложно квотированной выборке платформенных занятых, осуществляющих деятельность через онлайн-платформы в России (N = 1300).

Привлекательность платформенной занятости для молодежи обусловлена рядом причин, среди которых эксперты Всемирного банка выделяют три ключевые: 1) возможность освоения цифровых навыков, необходимых для дальнейшего профессионального пути; 2) гибкость графика / режима занятости; 3) возможность получения дополнительного дохода [World Bank, 2023].

Эксперты отмечают, что особенно актуальной платформенная занятость в качестве способа интеграции молодежи в рынок труда может быть для стран с высоким уровнем безработицы среди молодежи или с высокой долей молодежи NEET (молодежь, которая не работает и не учится) [World Bank, 2023]. Например, в докладе Международной организации труда (МОТ), посвященном глобальным трендам занятости молодежи в 2022 г., важная роль в решении проблемы безработицы молодежи отводится цифровой экономике и, в частности, платформам [ILO, 2022]. Эксперты МОТ отмечают, что особенно привлекательной платформенная занятость может быть для молодых людей в странах с низким и средним уровнями дохода. В условиях ограниченных возможностей трудоустройства она может стать для них хорошим источником дохода, а в отсутствие альтернатив проблемы нестабильности и неопределенности платформенной занятости (в части доходов и гарантий) не стоят для молодых людей столь остро. Вместе с тем в России доля не работающей и не учащейся молодежи, по разным оценкам, составляет от 9,4 до 12% [Вишневецкая, Зудина, 2018; Зудина, 2018; 2020] и демонстрирует тенденцию к снижению. Такие оценки можно считать довольно низкими по меркам как развитых, так и развивающихся стран, поэтому резервы повышения экономической актив-

ности в наиболее молодых группах в текущих условиях невелики.

Одной из характеристик современной молодежи по сравнению с прошлыми поколениями является все больший интерес к сфере предпринимательства, а как показывают данные различных исследований (в том числе исследование НИУ ВШЭ, проведенное в 2022 г. [Синявская и др., 2022]), онлайн-платформы могут выступать безопасным стартом для развития собственного дела.

Еще одной особенностью карьерного поведения современной молодежи является стремление попробовать себя в различных профессиональных сферах и только спустя время выйти на постоянную работу (зачастую более высококвалифицированную, требующую наличия опыта) [Золотина, 2022; World Bank, 2023]. Здесь немаловажную роль также могут играть платформы — гибкость платформенной занятости позволяет получать опыт работы (а также соответствующие навыки) во время обучения и решить задачу «первого рабочего места» за счет более низких по сравнению с традиционным рынком труда барьеров входа [Гурова, 2023]. Это дает возможность обрести финансовую независимость и получить необходимую для дальнейшего трудоустройства квалификацию, а затем более эффективно выстраивать свой карьерный путь [World Bank, 2023; World Bank. Digital pathfinders..., 2023; ILO, 2024] или получить опыт в разных сферах (что позволяет «найти себя» [Гурова, 2023]). При этом получение опыта работы уже во время обучения в соответствии с современной моделью трудового поведения молодежи является наиболее конкурентной стратегией, что ставит перед рынком труда задачу повышения гибкости формата и режима занятости [Золотина, 2022]. Одновременно большая свобода,

которую предоставляет платформенная занятость в части выбора места, времени и объема работы, является привлекательной для молодежи, которая ценит гедонизм и свободу и заботится о поддержании физического и ментального здоровья за счет выстраивания баланса работы и отдыха [Гурова, 2023].

Эксперты Всемирного банка отмечают, что платформенная занятость не только расширяет возможности занятости для молодых людей, но и позволяет им в ряде стран получать более высокий доход по сравнению с неформальной занятостью. Например, результаты регрессионного анализа, выполненного на данных Обследования рабочей силы 2021–2022 гг., показали, что в пакистанском регионе Хайбер-Пахтунхва онлайн-работники зарабатывают значительно больше, чем работники неформального сектора, даже с поправкой на образование, возраст, семейное положение

и часы работы. Кроме того, дистанционный формат занятости позволяет получить доступ к рабочим местам в других регионах с большим числом вакантных мест, в связи с чем открывается больше возможностей для занятости молодежи, особенно из небольших городов, где такие возможности местного рынка труда могут быть ограничены [World Bank. Digital pathfinders..., 2023]. Это подтверждают и данные глобального опроса МОТ, проведенного в 2017 г., согласно которым около 25% молодых людей, проживающих в странах с низким и средним уровнями дохода, предпочитали платформенную занятость, так как оплата труда там была выше, чем в альтернативных вариантах на традиционном рынке труда, в то время как в странах с высоким уровнем дохода всего 7,2% отмечали, что не могли найти работу с более высоким уровнем оплаты где-либо помимо платформ [ILO, 2021].

1.3. Женщины в платформенной экономике

Женщины, особенно с маленькими детьми, являются одной из потенциально уязвимых с точки зрения включенности в рынок труда групп, так как необходимость выполнения семейных обязанностей зачастую ограничивает возможности их трудоустройства или же создает риск их выхода из числа экономически активного населения [ILO, 2016; Churchill, Craig, 2019; Kasliwal, 2020]. Именно поэтому женщины чаще прибегают к нестандартным формам занятости, которые позволяют получить большую пространственную и временную гибкость, облегчая тем самым выполнение домашних обязанностей без риска выхода из числа экономически активного населения и потери важной с точки зрения долгосрочной устойчивости связи с рынком

труда [Gerber, 2022; EIGE and Eurofound, 2023; Eurofound, 2023]. В этих условиях платформенная занятость может служить одним из инструментов вовлечения женщин в трудовую деятельность [World Bank, 2023]. Неслучайно в последние годы наблюдается рост вовлеченности женщин в платформенную экономику [Eurofound. Platform work: Gender]. По данным Всемирного банка, порядка 42% всех платформенно занятых — женщины [World Bank, 2023], в ЕС, по данным Еврофонда, — около 38% [Eurofound. Platform work: Gender].

Приход платформ в сферу оказания бытовых услуг (уборка, приготовление пищи, услуги по уходу и т.п.) способствовал повышению активности женщин на рынке труда за счет трех основных факторов:

- во-первых, такая работа позволяет женщинам гибко организовывать рабочее время;
- во-вторых, платформенная занятость позволила женщинам монетизировать свои навыки выполнения традиционных домашних обязанностей [Milkman et al., 2021];
- в-третьих, расширение доступности такого типа услуг на рынке в рамках платформенной экономики позволило части женщин сократить объем своей неоплачиваемой работы, передав ее на аутсорсинг, что дало им самим возможность выйти на рынок труда [Rodríguez-Modroño et al., 2022].

Данные глобальных опросов Всемирного банка свидетельствуют о том, что больше всего в платформенной занятости женщины ценят возможность получения дополнительного дохода (34,8%) и гибкость (26,1%) [World Bank, 2023]. Однако для женщин, в отличие от молодежи, гибкость означает не широко понимаемую свободу выбора места и времени работы, а возможность балансировать между рабочими и семейными обязанностями (включая уход за детьми) [World Bank, 2023; EIGE and Eurofound, 2023]. Именно наличие маленьких детей подталкивает женщин брать работу через платформы [Rani et al., 2022]. Действительно, если более молодые женщины (16–24 лет) чаще используют платформы для получения дополнительного дохода, то для женщин более старших возрастов (25 лет и старше) в платформенной занятости ценнее именно баланс между работой и домашними обязанностями [EIGE and Eurofound, 2023]. Невозможность найти другую подходящую работу — еще один фактор, способствующий включению женщин в платформенную экономику [Churchill, Craig, 2019; Gerber, 2022; World Bank, 2023].

При этом наблюдается значительная сегрегация по секторам, воспроизводящая традиционное гендерное неравенство. По данным исследования Европейского института гендерного равенства (EIGE), женщины с большей вероятностью будут участвовать в такой сфере платформенной занятости, как услуги по уходу [Eurofound. Platform work: Gender]. Аналогично МОТ указывает на то, что женщины недопредставлены в таких секторах платформенной занятости, как пассажирские перевозки, доставка грузов и т.п., но значительно преобладают в таких традиционно женских сферах, как работа по уходу, бытовые услуги, услуги в сфере красоты и т.п. [ILO, 2024]. При этом данные Всемирного банка показали, что в некоторых профессиях доля женщин, работающих на онлайн-платформах, выше, чем в аналогичных профессиях, не связанных с платформами. Например, на Филиппинах женщины составляют 52% всех работников на платформах по сравнению с 40% вне платформ, причем большинство работников платформ заняты в розничной торговле, административном секторе и секторе персональных услуг. Напротив, в Чили, где в платформенной экономике преобладают секторы пассажирских перевозок и доставки, женщины составляют лишь 11% работников платформ [ILO, 2024]. В России, как показывают данные Обследования рабочей силы Росстата, доля женщин в структуре занятых через платформы пока оказывается ниже аналогичного показателя по рынку труда в целом.

Несмотря на то что платформенная экономика расширяет возможности женщин трудиться, она может поддерживать их уязвимое положение, предлагая нестабильную и малооплачиваемую работу [Piasna, Drahoukoupil, 2017; Gerber, 2022; Rodríguez-Modroño et al., 2022]. Это ставит задачу по-

вышения инклюзивности платформенной занятости для расширения возможностей женщин [World Bank, 2023; EIGE and Eurofound, 2023]. Эксперты Всемирного банка отмечают, что для обеспечения более высокого уровня гендерной интеграции в платформенной занятости необходимо разработать программы обучения для женщин, включающие развитие не только цифровых навыков, но и других компетенций, открывающих доступ к более качественным рабочим местам в платформенной занятости [World Bank, 2023]. В международной практике существует ряд убедительных доказательств того, что вовлечение женщин в платформенную занятость позволяет им быть более активными на рынке труда и увеличивать свой доход. Например, в Косово при поддержке Всемирного банка в 2015–2016 гг. был разработан и реализован пилотный проект «Kosovo Women in Online Work (WOW)». Он ориентировался на молодых безработных женщин с выс-

шим образованием, которые были в поиске своего первого места работы (всего приняли участие 100 женщин). Через 3 месяца после завершения обучения цифровым навыкам, необходимым для фриланс-работы в Интернете, доход женщин, принимавших участие в проекте, стал в 2 раза выше, чем средний уровень почасовой оплаты работы в Косово [World Bank, 2023]. При этом, вероятно, можно говорить об уже существующей заинтересованности женщин в таких программах. Исследование Всемирного банка показало, что одним из самых ценных преимуществ для занятых в платформенной экономике является возможность обучения (особенно это характерно для женщин, которые, как показали результаты, проявляют больший интерес к обучению (36%), чем к таким традиционным гарантиям, как медицинская страховка, пенсии и оплачиваемые отпуска) [World Bank. The Promise and Peril of Online Gig Work Short Note Series No. 2...].

1.4. Платформенная занятость в старшем возрасте и при ограничениях по здоровью

В условиях старения населения возрастает актуальность сохранения трудовой активности во все более старшем возрасте. Однако на традиционном рынке труда представители старшего поколения сталкиваются с рядом барьеров, вынуждающих их искать альтернативы стандартной занятости (при этом зачастую более низкокачественные и плохо оплачиваемые [Berde, Tóké, 2020]). Платформенная занятость может рассматриваться как инструмент повышения активности и уровня доходов людей старшего возраста за счет ее большей гибкости, возможности произвольно варьировать трудовую нагрузку, работать из дома и т.п. [Berde, Tóké, 2020; World Bank. The Promise and Peril of Online Gig Work Short Note Series No. 2...].

Пока участие лиц старшего возраста в платформенной экономике остается крайне невысоким. Так, по оценкам Всемирного банка, среди всех занятых на платформах женщин в возрасте 45 лет и старше (т.е. включая средний возраст) находятся лишь 25%, а 65 лет и старше — 4,7%; среди всех работающих на платформах мужчин аналогичные показатели составляют соответственно менее 15% и 2,7% [World Bank. The Promise and Peril of Online Gig Work Short Note Series No. 2...]. Тем не менее в отдельных секторах платформенной экономики (например, в перевозках) представительство лиц старшего возраста достаточно быстро растет. Так, одно из немногих исследований по этой теме, проведенное

на данных онлайн-платформы карпулинга Oszkár в Венгрии (на нерепрезентативной выборке), показало, что рынок труда для пожилых в рассматриваемой отрасли развивался даже быстрее, чем традиционный рынок труда (число водителей старше 55 лет возросло со среднего значения 16 в 2013 г. до 138 в 2018 г.) [Berde, Tóké, 2020]. Постепенное преодоление цифрового разрыва и увеличение доли пожилых с хорошими цифровыми навыками (в том числе благодаря смене поколений) позволят расширить участие этой демографической группы в платформенной экономике.

Несмотря на существование различных инициатив, направленных на рост инклюзивности и предотвращение дискриминации людей с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ), в мире традиционного рынка труда все еще существуют барьеры, препятствующие их трудоустройству (в числе которых не только поведенческие барьеры в виде прямой дискриминации, но и структурные — организация процесса работы и рабочих мест, ограничения в доступности среды) [Harpur, Blanck, 2020; Sannon, Cosley, 2022]. Привлекательность платформенной занятости как инновационной формы нестандартной занятости для лиц с ОВЗ обусловлена по меньшей мере двумя ее особенностями. Во-первых, гибкость и большая автономия работника дают возможность работать, когда позволяет здоровье, или не работать. Во-вторых, занятость на платформах не требует раскрытия информации о состоянии здоровья, о наличии инвалидности и

причинах выбора определенного графика и объема работы. Это снижает барьеры в получении работы лицами с ОВЗ и инвалидностью и потенциально уменьшает риски их стигматизации со стороны работодателя или коллег [Sannon, Cosley, 2022; ILO, 2024]. Даже когда работа требует непосредственного контакта с другими людьми, занятость на платформах предоставляет больше возможностей оказывать услуги. Наиболее наглядный пример здесь — платформенные работники с нарушениями слуха или зрения, работающие в такси или доставке [Harpur, Blanck, 2020].

Тем не менее в настоящее время участие людей с ОВЗ в платформенной занятости все еще сопряжено с рядом проблем, среди которых сохраняющиеся стигматизация и дискриминация, а также более низкий уровень дохода по сравнению с платформенными работниками без инвалидности [Sannon, Cosley, 2022]. Так, по данным МОТ, опубликованным в 2021 г., среди работников онлайн-платформ около 2% имели плохое или очень плохое состояние здоровья [ILO. World Employment and Social Outlook 2021]. А, например, в исследовании работы на платформе Amazon Mechanical Turk (AMT) было показано, что платформенные занятые, относящие себя к людям с ограниченными возможностями, зарабатывали 2,8 долл. в час по сравнению с 3,14 долл. у работников без инвалидности, что, вероятно, обусловлено в том числе более длительным временем выполнения задач работниками с ОВЗ [Hara et al., 2019].

1.5. Платформенная занятость для жителей отдаленных и сельских территорий

Появление платформенной занятости расширяет возможности получения дохода для жителей небольших городов и

сельской местности без смены места жительства [Braesemann et al., 2022], так как удаленный формат части платформенной

занятости позволяет получить доступ к более широкому рынку труда [Zwysen, Piasna, 2023]. По данным Всемирного банка, значительная часть платформенной занятости осуществляется за пределами столиц, в том числе 6 из 10 платформенных занятых проживают в небольших городах [World Bank, 2023], что указывает на роль платформ в снижении регионального неравенства с точки зрения доступности работы. Однако распределение зависит от страны: если в более развитых странах Европы и Центральной Азии доля платформенных занятых в небольших городах составляла до 98%, то в наименее развитых странах Экваториальной Африки — всего 17% [World Bank, 2023].

Среди мотивов включения в платформенную экономику у жителей удаленных и сельских территорий лидирует невозможность найти работу в месте проживания — ее отметили 28% опрошенных из небольших городов и деревень (по сравнению с 13% в крупных городах и 12% в столицах). При этом мотив увеличения уровня трудовых доходов не имеет выраженной территориальной дифференциации: более высокий

уровень оплаты онлайн-работы в качестве мотива платформенной занятости отметили практически равные доли опрошенных из столиц, крупных городов и небольших городов/деревень — около 18% [World Bank, 2023]. Особенно значимые выгоды от платформенной занятости получают высококвалифицированные специалисты, имеющие возможность выйти не только на национальный, но и на глобальный рынок труда. Это, в свою очередь, может способствовать удержанию высококвалифицированных работников в менее развитых регионах и поселениях и иметь положительные эффекты для пространственного развития [Braesemann et al., 2022].

Однако не все сферы платформенной занятости могут быть сопряжены с расширением возможностей экономической активности. Например, для таких видов услуг, как перевозки или бытовые услуги, спрос формируется клиентами, находящимися в одном регионе с исполнителями, соответственно, если в регионе низкий спрос на такие услуги, то и возможностей для их предоставления и получения доходов будет меньше [Zwysen, Piasna, 2023].

2. Оценки распространенности платформенной занятости в России и социально-демографический портрет платформенного работника в 2022–2024 гг.

Этот и следующие разделы доклада посвящены анализу сегмента платформенной занятости в России, в том числе в контексте описанных выше закономерностей, стимулов и барьеров включения в нее отдельных групп населения — тех, для которых именно платформы могут стать эффективным инструментом вовлечения в рынок

труда. Эти части исследования опираются на эмпирические данные: результаты Обследования рабочей силы Росстата 2022 и 2023 гг., а также на материалы специальных выборочных обследований населения и фокус-групповых дискуссий с платформенными занятыми, проведенных ИСП НИУ ВШЭ в 2022 и 2024 гг.

2.1. Распространенность и ключевые характеристики платформенной занятости по данным Обследования рабочей силы Росстата

Обследование рабочей силы Росстата (ОРС) в настоящий момент является единственным источником официальных оценок распространенности платформенной занятости в России. При анализе этих данных необходимо учитывать, что вопрос о таком формате работы был введен в программу ОРС в 2022 г. Однако уже в 2023 г. методология его измерения была уточнена: если в 2022 г. сведения о включенности в платформенную занятость собирались автономно, отдельно от блоков по основной и дополнительной занятости респонден-

тов, то с 2023 г. соответствующий вопрос был внесен в два указанных раздела анкеты — в двух различных формулировках¹. Это, с одной стороны, позволило оценить численность включенных в платформенную занятость в качестве основной и дополнительной работы, а с другой — ограничило сопоставимость данных. Тем не менее ниже мы приводим полученные в рамках ОРС оценки, поскольку они позволяют охарактеризовать масштаб платформенной занятости на национальном уровне и задают контекст для сопоставления с данными

¹ Формулировка вопроса в обследовании 2022 г.: «В последнее время широко распространились сайты и приложения, с помощью которых можно искать клиентов, выполнять заказы. Среди них такие, как Яндекс-такси, Авито, Профи.ру и т.п. Использовали ли Вы для поиска клиентов, выполнения заказов сайты или приложения на прошлой неделе? Да / Нет».

Формулировки вопросов в обследовании 2023 г.: 1) в блоке об основной работе — «Использовали ли Вы для поиска клиентов, выполнения заказов сайты или приложения на прошлой неделе (Яндекс-такси, Авито, Профи.ру и т.п.)? Да/Нет»; 2) в блоке о дополнительной работе — «Использовали ли Вы на дополнительной работе для поиска клиентов, выполнения заказов сайты или приложения на прошлой неделе (Яндекс-такси, Авито, Профи.ру и т.п.)? Да/Нет».

специальных выборочных обследований НИУ ВШЭ.

Среднегодовая численность платформенных работников, согласно данным ОРС, в 2022 г. достигала 3,5 млн человек в возрасте 15 лет и старше. В I квартале 2022 г. этот показатель составил 3,5 млн занятых, во II квартале — 3,7 млн, в III квартале — 3,5 млн. По отношению к общей численности занятого населения это соответствует 4,8%, 5,2%, 4,8% в I–III кварталах соответственно и 4,9% в среднем за год. В 2023 г. среднегодовая численность включенных в платформенную занятость составляла 3,4 млн человек (3,2 млн на основной работе и 172 тыс. — на дополнительной). Обращает внимание очень незначительная численность лиц, включенных в платформенную экономику на дополнительной работе: по-видимому, часть вторичной платформенной занятости недоучитывается Росстатом в рамках принятой методологии. При этом в I квартале 2023 г. численность платформенных работников, по оценкам Росстата, достигла максимума за два года и составила 5,2 млн человек (4,9 млн на основной работе и 198 тыс. — на дополнительной); а начиная со II квартала данные ОРС фиксируют снижение и возврат к значениям, сопоставимым с 2022 г. Так, во II квартале 2023 г. численность платформенных занятых составила 3,5 млн (3,3 млн на основной работе и 180 тыс. — на дополнительной), в III квартале 2023 г. — 2,6 млн занятых (2,5 млн на основной работе и 133 тыс. — на дополнительной). По отношению к общей численности занятого населения доля включенных в платформенную занятость составила 7,1%, 4,7%, 3,6% в I–III кварталах и 4,6% в среднем за год.

Несмотря на то что среднегодовая численность вовлеченных в платформенную занятость работников изменилась незначительно (сокращение составило 86 тыс. за-

нятых), квартальные оценки демонстрируют существенную волатильность. Наиболее значимые колебания данные ОРС показывают между первыми кварталами 2022 и 2023 гг. (увеличение на 1,7 млн) и между третьими кварталами (сокращение на 816 тыс.).

Разнонаправленность этих колебаний не позволяет объяснить их описанными выше изменениями в методологии сбора данных. Рост платформенной занятости в начале 2023 г. может быть лишь отчасти связан с динамикой потребительской инфляции в этот период. По оценкам Центрального банка РФ, инфляционное давление постепенно усиливалось после периода сдержанного роста цен во второй половине 2022 г. [Банк России, 2023], а затем — в начале 2023 г., когда ускорившийся рост цен на потребительские товары был усилен повышением цен на услуги за счет увеличения тарифов на содержание и капитальный ремонт жилья. Такие изменения могли стать одним из факторов повышения экономической активности населения. Вместе с тем инфляционное давление должно было бы привести к росту занятости не только в платформенной экономике, но и за ее пределами либо в большей мере повлиять на временную и дополнительную занятость, но общий прирост числа занятых между первыми кварталами 2022 и 2023 гг. составил 1,3 млн человек, что меньше прироста числа платформенных работников. Дальнейший спад в распространенности платформенной занятости в 2023 г. может быть вызван, с одной стороны, изменениями валютного курса и ужесточением миграционной политики (что провоцировало сокращение численности иностранных граждан, занятых в сфере услуг, в том числе с использованием цифровых платформ), а с другой — нараставшим дефицитом на традиционном рынке труда

и перетоком работников на открывшиеся вакансии в тех сферах, где происходил интенсивный рост заработных плат. Однако необходимо отметить, что ни один из этих факторов не позволяет в полной мере объяснить масштаб тех колебаний в численности платформенных занятых, которые показывают данные ОРС, особенно в начале 2023 г.

Возрастная структура платформенных занятых в 2022–2023 гг., по данным ОРС, в целом сохранялась относительно стабильной. В составе вовлеченных в платформенную экономику преобладали россияне активных трудоспособных возрастов — прежде всего в возрасте 30–39 лет (более трети работников) и 40–49 лет (более четверти). Среди произошедших изменений можно отметить более активное включение в платформенную занятость молодежи 15–19 лет (уровень участия в платформенной экономике увеличился с 5,2 до 6,5% занятых), однако общая численность этой группы в составе занятых незначительна, в результате ее прирост в структуре составил +0,3 п.п. Небольшое увеличение доли занятых старших возрастов происходило отчасти за счет повышения охвата платформенной занятостью лиц 60–69 лет, но в большей мере вследствие общего увеличения размеров этой возрастной когорты: совокупно на работников от 50 лет в 2023 г. пришлось 18,3%, в то время как в 2022 г. — 16,9% (прирост на 1,4 п.п.).

Более заметная динамика наблюдается в структуре платформенных занятых по полу. В общей структуре платформенной занятости как в 2022 г., так и в 2023 г. преобладали мужчины (при этом их доля в этом сегменте занятости оказывается устойчиво выше, чем среди занятых в целом, где в 2023 г. она составила около 51%), и доля женщин за прошедший год еще сократилась — с 46,6% в 2022 г. до 42,3% в

2023 г. При этом в течение 2022 г. доля женщин росла от квартала к кварталу, а в 2023 г. — сокращалась. В результате гендерный разрыв в уровнях участия в платформенной экономике в общей численности занятых вырос с 0,4 п.п. в 2022 г. до 1,2 п.п. (5,2% занятых мужчин и 4,0% занятых женщин) в 2023 г.

В то же время, по данным ОРС, в 2023 г. в структуре платформенных занятых возросла по сравнению с 2022 г. доля сельских жителей. Прирост составил 4 п.п. (с 13,8 до 17,8% соответственно). При этом сравнение с общими показателями по российской экономике показывает, что платформенная занятость пока в большей степени распространена в городах: в 2023 г. доля жителей сел в структуре занятого населения составляла почти 23%.

Наиболее выраженное изменение при переходе от 2022 к 2023 г. данные ОРС показывают в отношении образовательной структуры платформенных занятых. Так, в 2023 г. наблюдалось заметное снижение доли работников с высшим образованием — на 10,4 п.п. (с 48,2 до 37,8%). При этом возросла доля платформенных занятых с основным общим образованием (с 2,6% в 2022 г. до 4,1% в 2023 г.), средним общим (с 13,8 до 17,8%) и со средним профессиональным по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих) (с 12,8 до 16,1%). Особенно заметным изменение структуры было в III квартале 2023 г. Сравнение среднегодовых оценок за 2022 и 2023 гг. показывает, что если в 2022 г. уровни участия в платформенной экономике убывали со снижением уровня образования (с 6,7% числа занятых с высшим образованием до 1,9% занятых с образованием ниже основного общего), то в 2023 г. наибольший охват платформенной занятостью наблюдался в группах со средним общим (5,5% числа занятых с этим

уровнем образования) и основным общим образованием (5,0%), тогда как для обладателей высшего образования он сократился на 1,8 п.п. (до 4,9%).

Таким образом, данные ОРС Росстата свидетельствуют о том, что в 2022–2023 гг. в структуре платформенных занятых увеличивалась доля работников без высшего образования, проживающих в сельской местности и мужчин. Эти изменения могут указывать отчасти на отток людей среднего возраста, с более высокими уровнями образования, проживающих в городах, в активно растущие сегменты традиционной экономики и отчасти — на расширение отдельных отраслевых сегментов в этой части экономики (вероятно, сферы услуг,

в том числе бытовых и транспортных, не требующих высшего образования).

При этом важно уточнить, что методика измерения платформенной занятости на основе вопроса, относящегося к работе в течение недели до проведения опроса, принятая в ОРС, не позволяет корректно учесть регулярность такой деятельности и поэтому не в полной мере характеризует масштабы вовлечения работников в платформенную экономику. В связи с этим более подробный анализ характера платформенной занятости и положения занятых в рамках настоящего исследования будет проведен на основе данных специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ в следующем разделе доклада.

2.2. Платформенная занятость в зеркале данных выборочных обследований населения НИУ ВШЭ

В апреле 2022 г. и затем спустя два года, в апреле 2024 г., Институт социальной политики НИУ ВШЭ провел специальные выборочные обследования населения — методом самозаполнения по выборкам, составленным на основе вероятностной онлайн-панели ВЦИОМа², репрезентирующей население России. Общий объем выборок составил 12 044 респондента в возрасте 18–72 лет в 2022 г. и 8283 респондента той же возрастной группы в 2024 г. Обследование 2024 г. было проведено в рамках и в целях настоящего исследования, а его анкета в значительной степени повторила программу, реализованную два года назад, что в сочетании с неизменностью метода опроса и базы рекрутинга респондентов обеспечило высокую сопоставимость полученных данных.

Анализ этих данных показал, что за прошедшие два года осведомленность рос-

сийского населения о платформах и платформенной занятости несколько возросла: если в 2022 г. о таком способе поиска работы знали 82,5% опрошенных, то в 2024 г. эта доля поднялась до 84,3% (различия в полученных оценках статистически значимы). Одновременно с этим, как будет показано далее, увеличилась и вовлеченность россиян в платформенную занятость.

2.2.1. Распространенность платформенной занятости и интерес к ней

Обследования НИУ ВШЭ содержат вопрос о включенности респондентов в платформенную занятость в трех различных форматах: в качестве (1) основной занятости, (2) регулярной подработки в дополнение к основной занятости, а также (3) эпизодической подработки. Сопоставление результатов опросов 2022 и 2024 гг. по-

² Информация о методике построения панели доступна по ссылке: <https://ok.wciom.ru/research/online-panel>

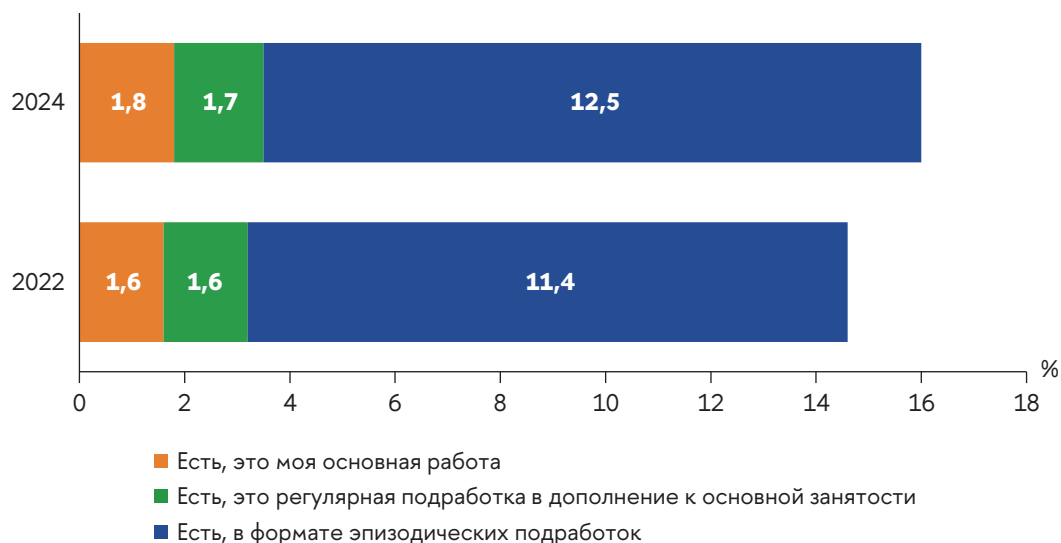

Рис. 1. Доля респондентов, вовлеченных в платформенную занятость в разных форматах, 2022 и 2024 гг., %

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

казывает рост совокупной вовлеченности россиян в платформенную экономику примерно на 1,4 п.п. — с 14,6 до 16,0% (рис. 1), в том числе в регулярную платформенную занятость — с 3,2 до 3,5%, а в эпизодическую — с 11,4 до 12,5%.

При этом, как показывают результаты проведенных опросов, в 2024 г. больше платформенных занятых стали оформлять выполненные работы официально: полностью или хотя бы частично это делают, по их словам, 54,5%, в то время как в 2022 г. таким образом отвечали 51,4% работников (рис. 2). Основным драйвером формализации платформенной занятости, по-видимому, становится распространение самозанятости. В опросе текущего года более половины из тех, кто обычно оформляет найденные через платформы заказы официально, отметили, что зарегистрированы в качестве плательщиков налога на профессиональный доход и используют этот способ; в 2022 г. аналогичная доля составляла лишь 34,6%. Следующий по распространенности вариант — заключение догово-

ра подряда (22,4% оформлявших работы делали так в 2024 г. и 29,5% в 2022 г.), затем — индивидуальное предпринимательство (16% и 15% соответственно).

Одновременно с этим растет и интерес россиян к платформенной занятости. Так, среди имеющих опыт платформенной занятости респондентов в 2024 г. 55% отметили, что на момент проведения опроса рассматривали возможность увеличить объем работы, который они выполняют через онлайн-платформы, чтобы получить дополнительный доход (табл. 1). В 2022 г. доля отвечавших таким образом составляла 52,2% (на 2,8 п.п. ниже). Наибольшую готовность к увеличению объема платформенной занятости и сейчас, и два года назад демонстрировали респонденты, включенные в нее в формате регулярной подработки в дополнение к основной занятости (68,2% и 76,5% в 2022 и 2024 гг. соответственно), наименьшую — занятые эпизодически (49% и 51,6%).

Кроме того, среди тех, кто на момент опроса не имел опыта платформенной за-

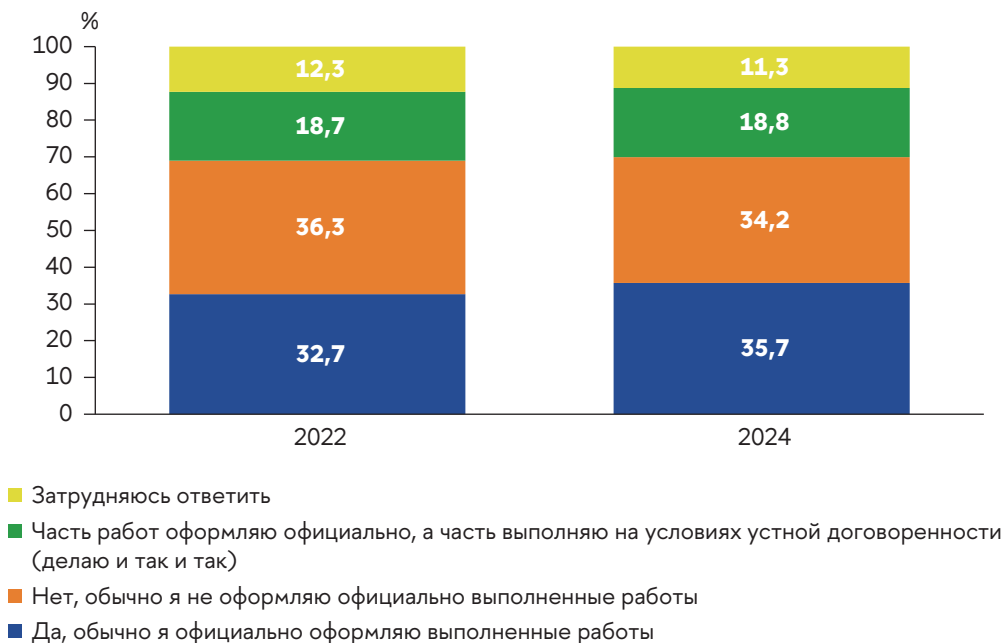

Рис. 2. Распределение респондентов, вовлеченных в платформенную занятость, по способу оформления работ, 2022 и 2024 гг., %

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

Таблица 1. Распределение респондентов по готовности увеличивать объем платформенной занятости либо включаться в нее, 2022 и 2024 гг., % от ответивших на вопросы

	2022 г.	2024 г.
<i>Среди занятых на платформах: «Рассматриваете ли Вы сейчас увеличение объема работы через онлайн-платформы как источник дополнительного дохода?»</i>		
Да, рассматриваю	52,2	55,0
Нет, не рассматриваю	36,9	35,4
Затрудняюсь ответить	10,9	9,6
Справочно: число ответивших, человек	1746	1330
<i>Среди не имеющих опыта занятости на платформах, но осведомленных о них: «Рассматриваете ли Вы сейчас выполнение работ или оказание услуг через онлайн-платформы в качестве нового или дополнительного источника дохода?»</i>		
Да, рассматриваю	27,7	30,3
Нет, не рассматриваю	57,1	55,7
Затрудняюсь ответить	15,2	14,0
Справочно: число ответивших, человек	7820	5431

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

нятости, в 2022 г. возможность выйти на платформы рассматривали 27,7%, а в 2024 г. — 30,3% (+2,6 п.п.; табл. 1). Максимальную готовность включаться в платформенную занятость в 2022 г. показывали безработные респонденты (52,2%), женщины в отпуске по беременности и родам или по уходу за ребенком (49,3%), а также учащиеся и пока не работающие (41,4%). В 2024 г. лидерами стали женщины в отпуске по беременности и родам или по уходу за ребенком (53,1%), за ними следуют безработные (50,6%), а также болеющие или нетрудоспособные длительное время или постоянно (41,7%). Среди учащихся и не работающих в 2024 г. доля рассматривающих возможность выйти на платформы немного сократилась и составила 39,6%.

2.2.2. Социально-демографический портрет платформенных занятых в России

В структуре платформенных занятых, по оценкам на данных выборочных обследований НИУ ВШЭ, около половины приходится на работающих респондентов, не находящихся на пенсии: в 2022 г. доля этой группы среди имевших опыт платформенной занятости, достигала 48,3%, а в 2024 г. — 51,8%. Следующая по наполненности категория — пенсионеры, совокупная доля которых в численности платформенных занятых в 2022 г. составила 21,7%, снизившись в 2024 г. до 20,4%. Наконец, третья группа — учащиеся; их доля возросла с 17,0% в 2022 г. до 17,4% спустя два года.

В то же время максимальная вовлеченность в платформенную занятость и в 2022, и в 2024 гг. наблюдается именно среди учащихся, определяющих себя как работающих одновременно с учебой или не работающих (рис. 3). В этих двух группах опыт платформенной занятости имели 20–30%

опрошенных, и при этом среди них фиксируется один из самых высоких показателей обращения к платформенной занятости в качестве основной.

Наиболее значимые изменения с точки зрения вовлеченности в платформенную занятость произошли в группе безработных по самоопределению респондентов. Если их доля в структуре платформенных занятых осталась практически неизменной (около 4%), то их индивидуальная вовлеченность возросла с 13 до 20,6% за два прошедших года, причем наиболее заметный прирост пришелся на ту группу, которая указывает платформенную занятость в качестве основной (рис. 3).

Наши данные также свидетельствуют о том, что за прошедшие два года соотношение мужчин и женщин в структуре платформенных занятых изменилось незначительно, однако результаты выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ, в отличие от ОРС Росстата, указывают на увеличение доли женщин: с 49,0% в 2022 г. до 50,2% в 2024 г. При этом обозначенный рост объясняется прежде всего ростом представленности женщин среди указывающих платформенную занятость как подработку (в 2022 г. женщин в этой группе было 46,3%, а в 2024 г. — уже 58%), в то время как их доля среди респондентов, занятых на платформах по основному месту работы, сократилась (с 55,0 до 50,3% соответственно). Это может объяснять различия в оценках масштабов платформенной занятости женщин между опросами НИУ ВШЭ и ОРС (последние, судя по всему, недооценивают вторичную и особенно эпизодическую занятость на платформах). Общая вовлеченность женщин в такой формат занятости по-прежнему остается ниже, чем у мужчин (рис. 4).

Возрастные различия с точки зрения вовлеченности в платформенную заня-

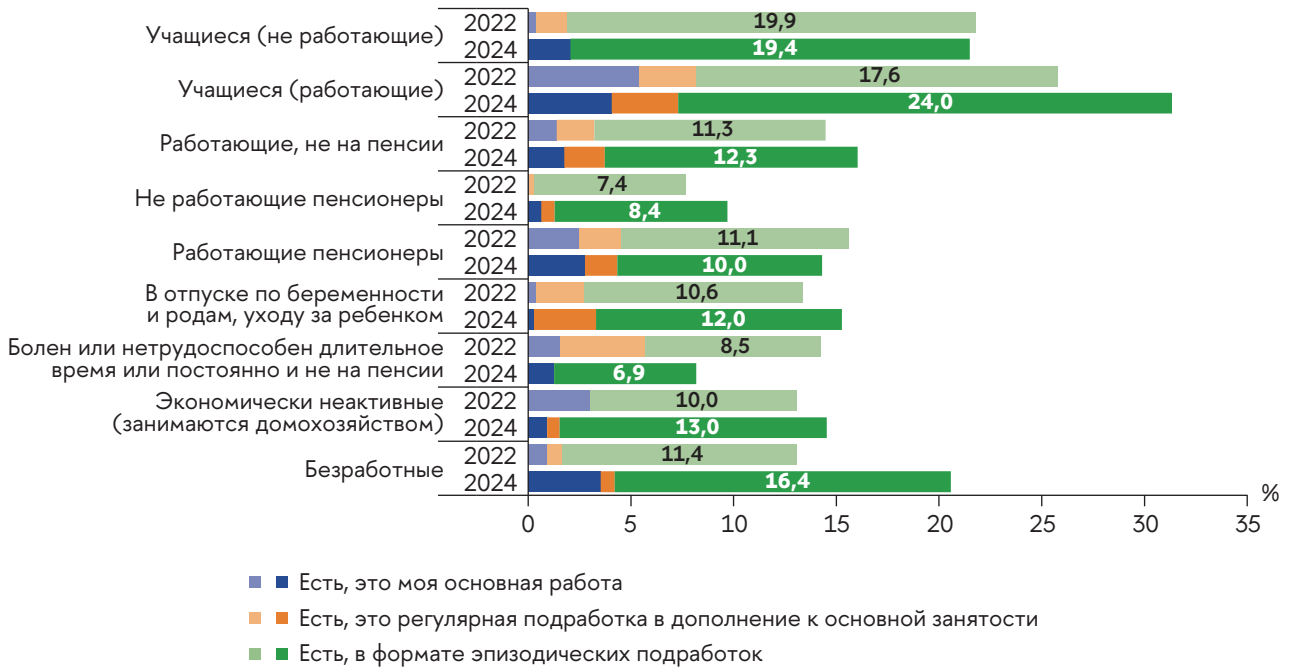

Рис. 3. Доля респондентов, вовлеченных в платформенную занятость в разных форматах, в группах по основному занятию, 2022 и 2024 гг., %

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

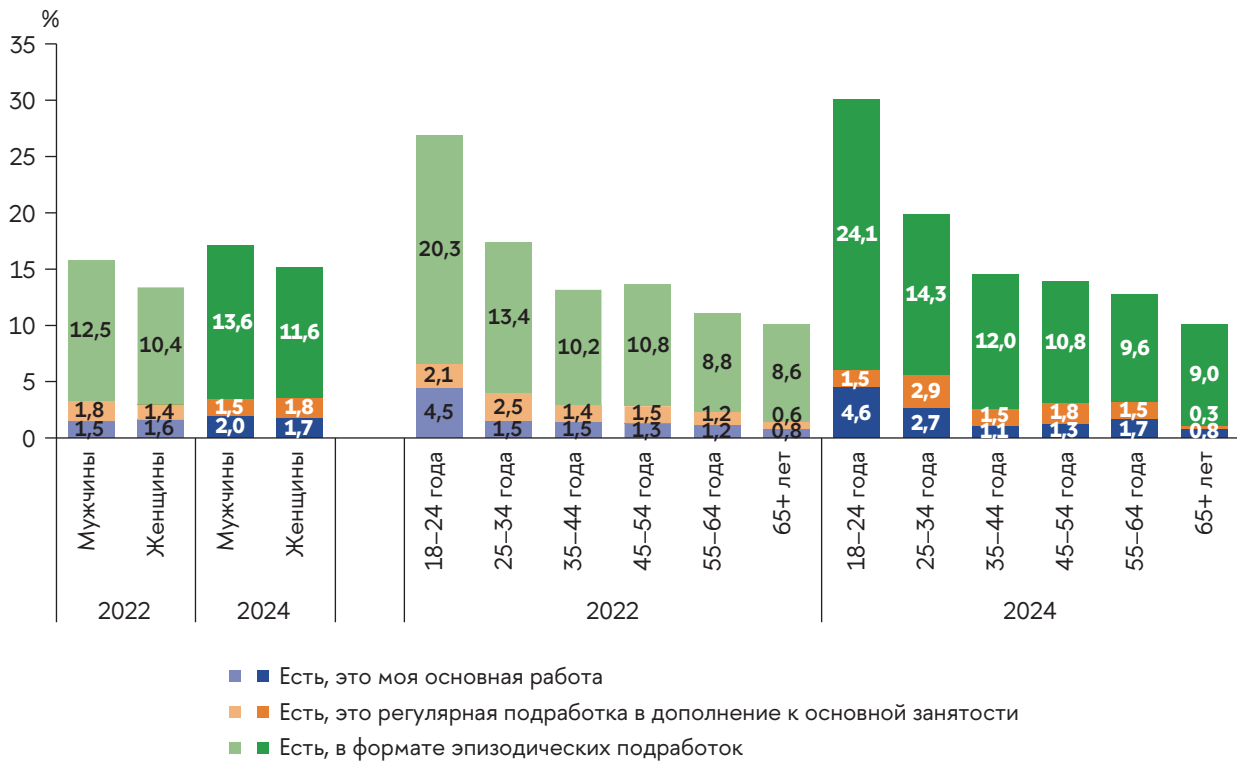

Рис. 4. Доля респондентов, вовлеченных в платформенную занятость в разных форматах, в группах по полу и возрасту, 2022 и 2024 гг., %

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

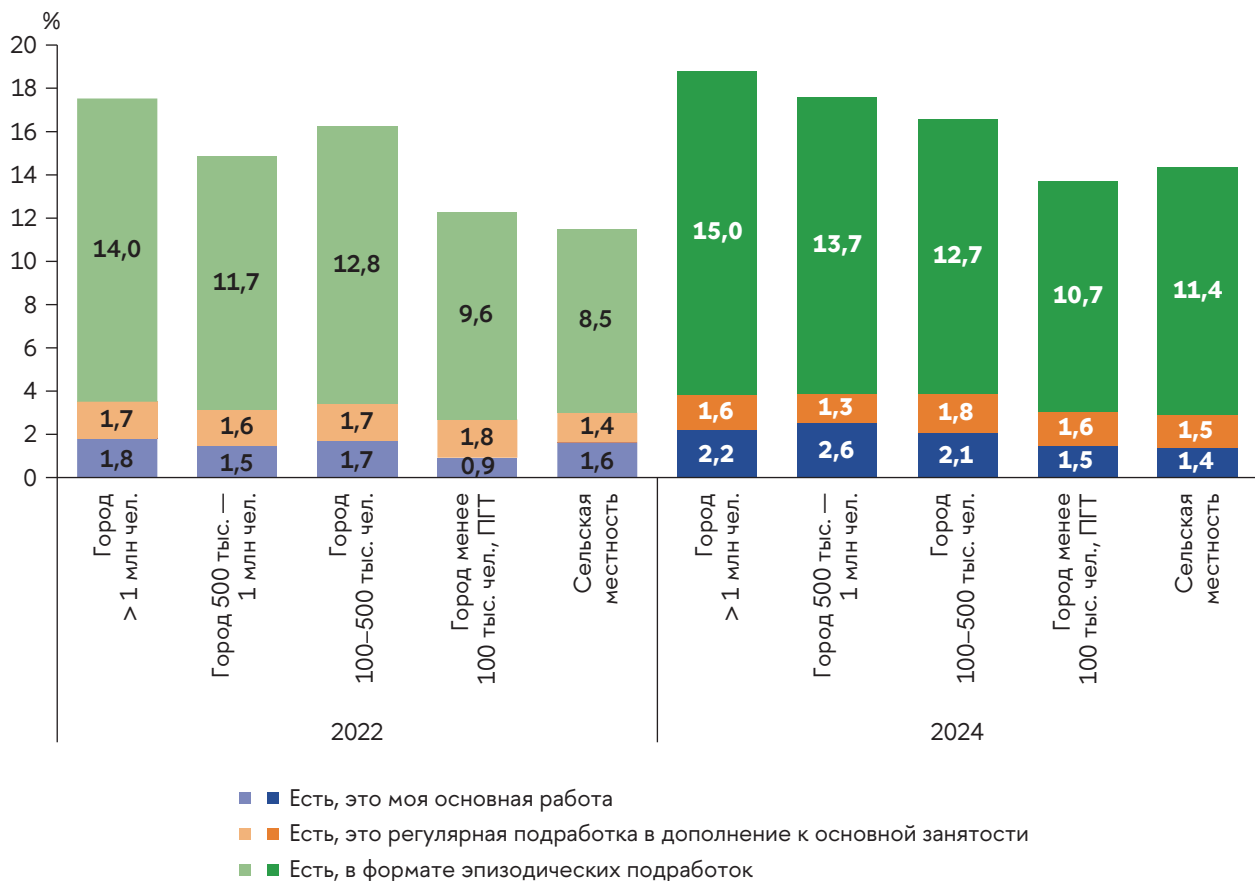

Рис. 5. Доля респондентов, вовлеченных в платформенную занятость в разных форматах, по месту проживания, 2022 и 2024 гг., %

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

тость показывают высокую устойчивость (рис. 4). Здесь сохраняется четкий градиент: от максимальной вовлеченности в наиболее молодых группах — к минимальной среди респондентов старше пенсионного возраста, и именно молодые группы обеспечивают основной вклад в увеличение распространенности платформенной занятости в России. При этом в структуре платформенных занятых за два года, прошедших между опросами, возросла доля лиц в возрасте 18–24 лет (с 14,5% в 2022 г. до 18,3% в 2024 г.), сократилась доля лиц в возрасте 25–34 и 45–54 лет (с 24,2 до 21,8% и с 19,4 до 17,1% соответственно), а доля остальных групп осталась практически неизменной.

Поселенческие различия с точки зрения распространенности платформенной занятости в период с 2022 по 2024 г., как показывают наши оценки, изменились. Так, заметнее всего за эти два года увеличилась вовлеченность в этот сегмент жителей сельской местности (рис. 5), что согласуется с динамикой, которую показывают данные Росстата. В структуре платформенных занятых доля сельского населения увеличилась с 18,2% в 2022 г. до 22,2% в 2024 г., однако основной прирост был обеспечен более широким включением этой группы в эпизодическую (возможно, сезонную) платформенную занятость.

Одновременно с этим среди жителей городской местности также проявил-

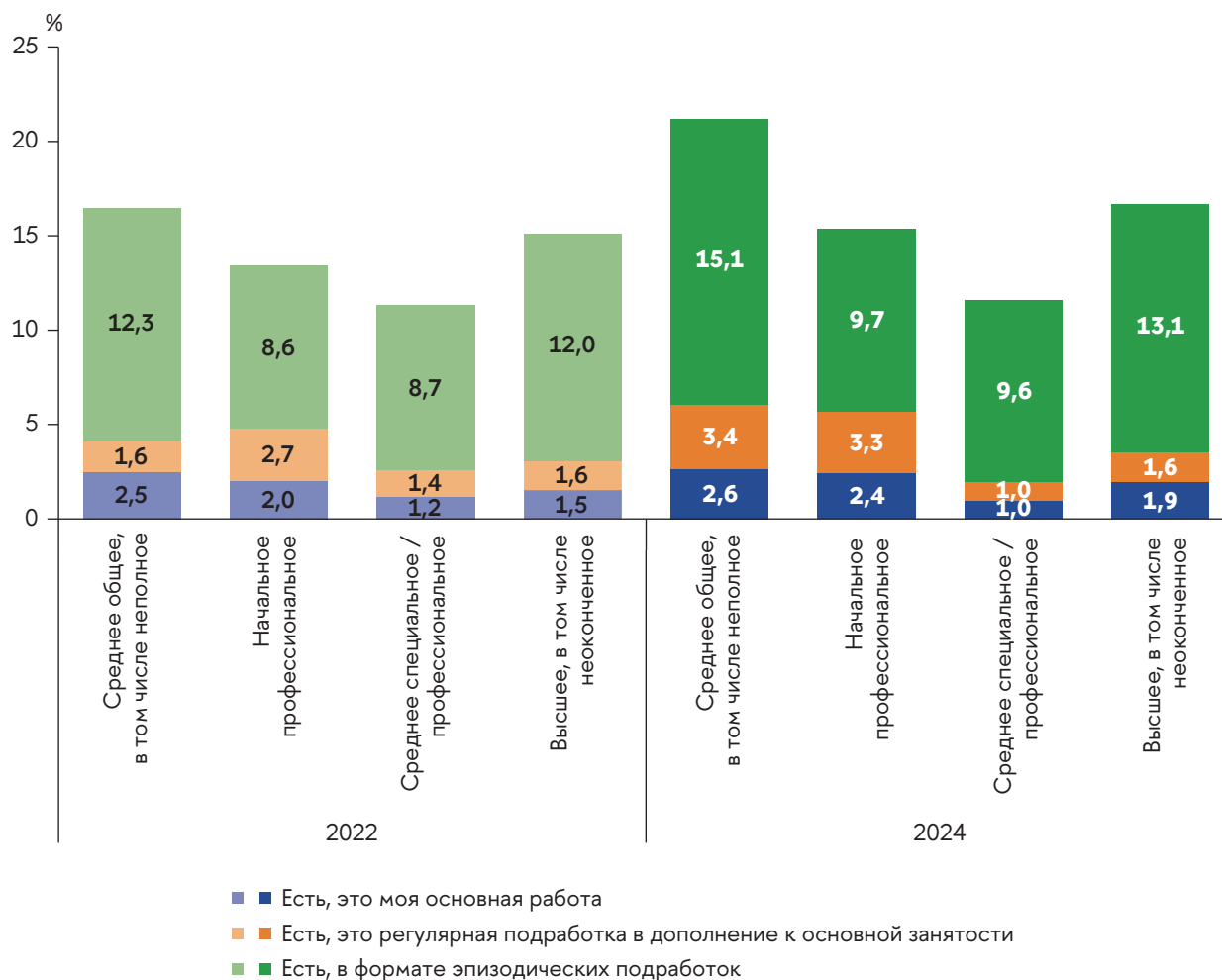

Рис. 6. Доля респондентов, вовлеченных в платформенную занятость в разных форматах, по уровню образования, 2022 и 2024 гг., %

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

ся четкий градиент, которого не было в 2022 г.: сегодня вовлеченность жителей с опытом платформенной занятости устойчиво сокращается с уменьшением размера городского населенного пункта. При этом максимальная распространенность платформенной занятости в качестве основной наблюдается в крупных городах с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн жителей (она составляет 2,6%).

Наконец, дифференциация распространенности платформенной занятости в разрезе уровня образования работников в целом также осталась неизменной (рис. 6).

Максимальная включенность в платформенную занятость в целом, а также в платформенную занятость в качестве основной работы наблюдается в группе респондентов со средним общим образованием (в том числе неоконченным), значительную долю которой составляют студенты средних специальных образовательных учреждений и вузов. И это согласуется с данными Росстата. Однако по данным опросов НИУ ВШЭ, в отличие от ОРС, сокращения платформенной занятости среди лиц с высшим образованием не произошло. В целом, как видно на рис. 6, высокий охват

платформенной занятостью фиксируется в полярных группах: с наименьшим и наибольшим уровнем полученного образования. Это свидетельствует одновременно и о значимой роли платформ как инструмента выхода на рынок труда в период образования, и о сохраняющейся квалификационно-профессиональной неоднородности платформенной занятости в России.

Этот вывод находит подтверждение и при анализе наиболее распространенных сфер занятости в этой группе. Так, по оценкам за 2024 г., наиболее распространенной сферой среди всех, кто имел какой-либо опыт платформенной занятости на момент опроса, оказались услуги репетиторства и преподавания (ее отметили 17,0% платформенных занятых), услуги в сфере информационных технологий (14,7%), а также услуги пассажирских и грузовых перевозок и курьерской доставки (суммарно 13,3%). В 2022 г. в аналогичные сферы были включены 21,1%, 17,3% и 13,7% платформенных занятых соответственно.

Вопрос о сферах занятости в анкете 2024 г. был существенным образом изменен за счет увеличения числа вариантов ответа — по причине того, что два года назад более 20% отвечавших на него выбрали категорию «другое». В связи с этим прямое сравнение распределений по данным вопросам следует проводить с осторожностью. Однако можно отметить, что еще 14,6% платформенных занятых в 2024 г. оказывали бытовые услуги и услуги в сфере красоты и здоровья либо занимались изготовлением товаров своими руками на заказ; в 2022 г. к сопоставимым сферам свою занятость относили 13,3% респондентов соответствующей группы; 10% и 8% занятых в 2022 и 2024 гг. соответственно оказывали через платформы консультационные и иные услуги в сфере юриспруденции, финансов и страхования.

Как и в других странах, в России, согласно данным опроса НИУ ВШЭ 2024 г., возможности совмещать платформенную занятость с другой занятостью варьируют в зависимости от характера оказываемых услуг. При этом роль основной работы платформенная занятость чаще всего выполняет в таких сферах, как такси, грузоперевозки и курьерская доставка (в 2024 г. среди всех респондентов, указавших на опыт платформенной занятости в течение года до проведения обследования, к основной занятости ее отнесли 16,5%), бытовые услуги (15,2%), репетиторство и преподавание (15,2%) и ИТ (15,1%; рис. 7). При этом если рассматривать сферу услуг такси отдельно, эта доля возрастает до 21,5%.

Реже всего платформенная занятость выполняет роль основной в таких сферах, как изготовление товаров (одежды, еды и др.) своими руками для продажи (5,2% респондентов, указавших на опыт платформенной занятости в течение года до проведения обследования) и присмотр за детьми и пожилыми (8,3%).

Приведенные оценки показывают, что в современной России в структуре платформенной занятости представлены как высококвалифицированные специалисты, вероятнее всего, по собственному выбору работающие в высокодоходных сферах в режиме, близком к фрилансу, так и специалисты средней и низкой квалификации. И эту специфику сегмента платформенной занятости важно учитывать при разработке регуляторных решений. При этом во всех сферах платформенная занятость может выполнять роль не только основного занятия, но и регулярных или эпизодических подработок; подобная практика широко распространена даже в таких сферах, как такси и доставка.

Рис. 7. Структура платформенных занятых в разных сферах по формату платформенной занятости, 2024 г., % от численности респондентов, выполнявших работу через платформы в течение года до проведения опроса

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

2.2.3. Мотивы и паттерны включения в платформенную занятость

В обследовании 2024 г. был включен расширенный блок вопросов, характеризующий отношение респондентов к платформенной занятости, траектории вовлечения в нее и стратегии поведения на онлайн-платформах.

Распределение ответов, полученных на эти вопросы, хорошо согласуется с результатами обзора существующей литературы и материалами наших предшествующих исследований. Так, в соответствии с опросом ИСП НИУ ВШЭ 2024 г., 36,2% платформенных занятых указали, что вышли на онлайн-платформы потому, что не могли найти другую работу, которую можно выполнять из дома; 34,4% — потому, что не могли най-

ти другую работу с подходящим графиком; 24,7% — потому, что, в принципе, не могли найти никакую другую работу (рис. 8). При переходе к группе, для которой платформенная занятость является основной, значение некоторых из названных мотивов еще усиливается. Так, среди них 46% выбрали этот формат потому, что не могли найти другую работу с подходящим графиком.

Во всех названных случаях платформенная занятость, по сути, становится в отсутствие других альтернатив единственным вариантом оплачиваемой занятости и сохранения экономической активности, и пока это ведущий мотив выхода на платформы. Эта же мотивация часто звучала на фокус-групповых дискуссиях с платформенными занятыми, проведенными ИСП НИУ ВШЭ весной и осенью 2022 г. (24 фокус-группы в апреле — мае 2022 г.³

³ В апреле — мае 2022 г. проведено 24 фокус-групповые дискуссии (ФГД), в одной фокус-группе принимали участие 5–6 человек. Продолжительность одной ФГД составляла порядка 2 ч.

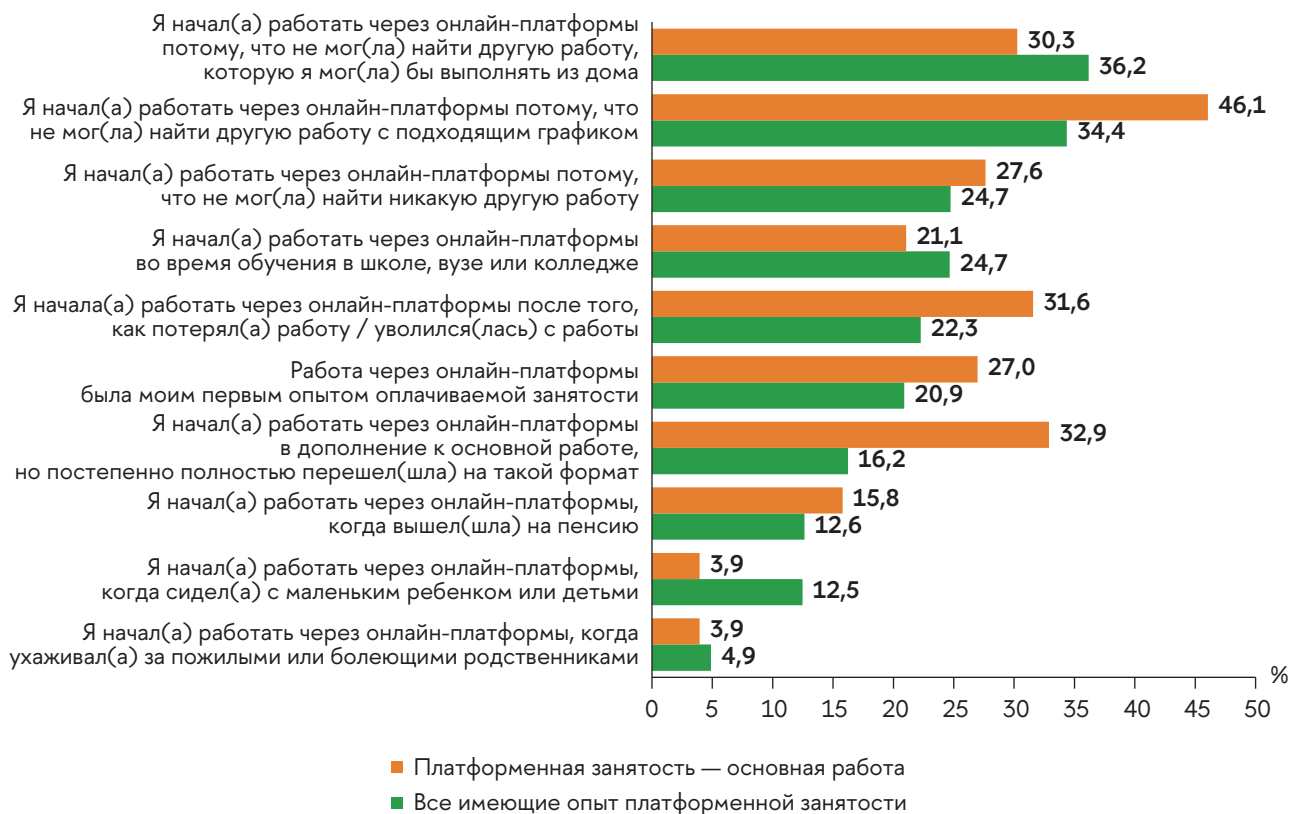

Рис. 8. Распространенность траекторий входа в платформенную занятость, 2024 г., %

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

и 11 фокус-групп в сентябре — октябре 2022 г.⁴):

«...пока искала работу с удобным графиком с тремя детьми, я искала просто подработку на многих платформах...» (женщины, 30–45 лет;

помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Москва);

«...в связи с личными проблемами я не могу выстроить стабильный график, потому нахожу удобное для себя время и работаю так [через

Дискуссии проведены с участниками из Москвы, городов-миллионников (Новосибирск, Екатеринбург), городов с населением до 500 тыс. человек (Ярославль), малых городов с населением 100–200 тыс. человек (Волгодонск, Армавир, Дзержинский, Новокуйбышевск, Первоуральск, Бердск).

Участники фокус-групп распределились по полу в равной пропорции, их возраст составлял от 22 до 60 лет. Все информанты предоставляют свои услуги на онлайн-платформах в формате основной или дополнительной занятости.

С точки зрения квалификации и типа предоставляемых услуг информанты разделены на 5 целевых аудиторий: 1) помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; 2) ремонт и бытовые услуги; 3) репетиторство, психологическое консультирование, индивидуальные тренировки и занятия; 4) перевод, дизайн, IT; 5) такси и курьерская доставка.

⁴ Фокус-групповые дискуссии проведены в сентябре — октябре 2022 г., в одной фокус-группе принимали участие 5–6 человек, продолжительность дискуссии — 2 ч.

География исследования: Москва, Новосибирск, Екатеринбург, Самара. Участники фокус-групп распределились по полу в равной пропорции, их возраст составлял от 25 до 55 лет. Все информанты предоставляют свои услуги на онлайн-платформах в формате основной или дополнительной занятости, при этом доля поступлений от этого вида деятельности в совокупном ежемесячном индивидуальном доходе участников составляет не менее 40%.

С точки зрения квалификации и типа предоставляемых услуг информанты также были разделены на 5 целевых аудиторий: 1) помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; 2) ремонт и бытовые услуги; 3) репетиторство, психологическое консультирование, индивидуальные тренировки и занятия; 4) перевод, дизайн, IT; 5) такси и курьерская доставка.

платформу]» (женщины, 25–39 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Москва);

«...[платформа] это единственный вариант, как можно заработать, находясь в своем удобном графике, где ты хочешь» (женщины и мужчины, 22–29 лет; перевод, дизайн и IT; Новосибирск);

«Ушел [во фриланс на самозанятого] в чудесный разгар пандемии, когда она только началась, и вариантов куда-то устроиться не было» (женщины и мужчины⁵, 30–45 лет; репетиторство, психологическое консультирование, индивидуальные тренировки и занятия / перевод, дизайн, IT; малые города);

«...я искала работу через hh.ru, рассылая резюме с 18-го или 19-го года... до сих пор ничего не нашла... На платформу пошла от безысходности, потому что, как я уже сказала, на официальную работу никто не хотел и не хочет почему-то брать» (мужчины и женщины, 22–29 лет; перевод, дизайн и IT; Москва);

«Я ищу работу, но не нахожу. Нет вариантов [поэтому ограничиваюсь работой через агрегатор]» (мужчины, 50–60 лет; такси и курьерская доставка (резиденты РФ); Новосибирск);

«...я по первому своему образованию преподаватель литературы, филолог и журналист, поэтому я долго пыталась как-то найти работу. В общем, никак пока. Все, что предлагают, это очень-очень негуманно. ...я приобрела дополнительное образование и стала заниматься в последние годы больше руками, чем языком. Я предлагаю услуги косметолога [через платформу]» (женщины, 50–60 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Екатеринбург).

Треть занятых, для которых работа через платформы является основной, вышли на них в дополнение к основной работе, а со временем полностью перешли на такой формат; среди респондентов, для которых платформенная занятость сегодня является основной, это вторая по распростра-

ненности траектория закрепления (рис. 8). И этот паттерн также прослеживался в фокус-групповых дискуссиях 2022 г.:

«...я решила заняться этим [работой на платформе] на момент, пока ищу себе новую работу. Потом я медленно-медленно влилась туда, у меня стали рейтинги расти, и я уже поняла, что хочу этим заниматься на постоянной основе» (мужчины и женщины, 30–45 лет; перевод, дизайн, IT; Екатеринбург);

«Изначально это было просто как дополнительный заработок, а сейчас это уже основная» (женщины и мужчины, 22–29 лет; репетиторство, психологическое консультирование, индивидуальные тренировки и занятия / перевод, дизайн, IT; малые города).

Третий по распространенности мотив среди занятых через платформы в качестве основной работы — переход в этот сегмент после увольнения с работы по собственному желанию или по инициативе работодателя. В 2022 г. — на фоне последствий пандемии и начала санкционного кризиса — этот мотив был очень распространен:

«Ну, когда потерял основную работу, выбора особо не осталось» (мужчины и женщины, 22–29 лет; перевод, дизайн, IT; Москва);

«...я потеряла основную работу, решила сконцентрироваться на этой деятельности, сделать ее не как мое хобби и маленький дополнительный заработок, а как основной заработок, где я могу свой творческий потенциал реализовывать» (мужчины и женщины, 30–45 лет; перевод, дизайн, IT; Екатеринбург);

«По моей основной работе всё закрылось, я остался без денег, начал искать варианты. И нашел такой вариант» (мужчины, 30–45 лет; такси и курьерская доставка (резиденты РФ); Москва);

«В свое время я работала индивидуальным предпринимателем, но в связи с пандемией пришлось закрыть это дело. Пришлось занять-

⁵ Группы были смешанными по полу, участвовали мужчины и женщины, выносятся конкретные цитаты, которые могут быть как от мужского, так и от женского лица.

ся клинингом» (женщины, 40–55 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Новосибирск, Екатеринбург, Самара);

«[на работе] отправили в отпуск без содержания, и двое детей не оставляют вариаций. Пришлось что-то предпринимать»; «У меня тоже пандемия была основным спусковым крючком. Это отразилось на всех сферах: работы стало меньше, отправили в отпуск, сокращенный день. Пришлось задуматься о каких-то альтернативных способах» (мужчины, 25–39 лет; ремонт и бытовые услуги; Новосибирск, Екатеринбург, Самара);

«У меня была основная работа, я работал и подрабатывал. Потом, когда уволился, только подрабатываю» (мужчины, 25–39 лет; такси и курьерская доставка; Москва);

«Весной, после того как моя компания, где я работала по найму, ушла, я стала на этом [платформе] более сосредоточенно работать» (мужчины и женщины, 25–39 лет; перевод, дизайн, IT; Москва);

«Так случилось, что до пандемии я вынуждена была оставить свою вторую работу по семейным обстоятельствам. А когда обстоятельства все обратно уже устаканились, то возвращаться по большому счету было уже некуда. Начался ковид»; «Сами понимаете, что последние 2,5 — почти уже 3 года с туризмом все очень плохо. А фирма у меня своя была, естественно, осталась я там одна, потому что платить сотрудникам было уже невозможно. Но и сама я деятельность свою приостановила. Но нужно же было как-то зарабатывать, и я не знала, что мне делать» (женщины, 50–60 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Екатеринбург).

Выход на платформы во время ухода за маленькими детьми — практически единственный мотив, который все имеющие хотя бы какой-то опыт платформенной занятости называли чаще по сравнению с теми, для кого платформы являются основной работой. Соответствующие доли в опросе 2024 г. составили 12,5% и 3,9%

(рис. 8). Это дополнительно подчеркивает ограниченные возможности женщин с маленькими детьми выходить на традиционный рынок труда — при наличии у них потребности в заработке и желании включаться в занятость на условиях неполного графика или удаленной работы. Более низкая распространенность этой мотивации среди занятых платформенно по основной работе может свидетельствовать о том, что в данном случае платформы становятся именно временным решением, а по мере взросления детей женщины стремятся вернуться на прежнюю работу или найти позицию на традиционном рынке труда. Однако на время декрета, особенно если их несколько, им важно иметь механизм легкого доступа к гибкой занятости.

При этом в рамках фокус-групповых дискуссий 2022 г. этот мотив артикулировался четко и встречался едва ли не чаще других:

«...я занимаюсь фрилансом, потому что у меня ребенок, который не хочет ходить в садик, поэтому я построила график так, чтобы всегда была возможность работать из дома» (женщины и мужчины, 22–29 лет; перевод, дизайн, IT; Новосибирск);

«...у меня двое детей, приходится работать дома, так получилось» (женщины и мужчины, 50–60 лет; репетиторство, психологическое консультирование, индивидуальные тренировки и занятия; Ярославль);

«Я еще и мамочка, у меня есть дочь. Пришлось работу оставить. Я работала в строительной компании, была администратором. Но так как дочка у меня не пошла в садик, я до 6 лет ее кормила грудью, пришлось работу оставить. Так получилось, что я стала подрабатывать на этих платформах. У меня это стало основной работой» (женщины, 30–45 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Москва);

«... я просто сидела дома со своими детьми и думала, почему бы не подзаработать и выста-

вить объявление. Почему бы мне, сидя со своими детьми, еще и деньги не зарабатывать» (женщины, 30–45 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Ярославль);

«С первым ребенком я еще работала в банке. И поняла, что точно не могу работать с 9 до 6. Время декрета дало возможность отучиться, принять решение об увольнении» (женщины, 40–55 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Новосибирск, Екатеринбург, Самара);

«Почему возникла необходимость подрабатывать, потому что дети — это музыкальная школа, сады, я по профессии бухгалтер, поняла, что с 9 до 6 не смогу работать» (женщины, 25–39 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Москва);

«Когда ушла в декрет, начала искать другие пути заработка» (мужчины и женщины, 25–39 лет; перевод, дизайн, IT; Москва);

«...с детьми уходить на сутки — это уже не так. Дети 2 и 6 лет, поэтому мне удобно из дома заниматься, зарабатывать, быть с детьми» (мужчины и женщины, 25–39 лет; репетиторство, консультирование, тренировки; Новосибирск, Екатеринбург, Самара);

«Ситуация такая, что меня устраивает гибкий график. Ребенку 7 лет, он в этом году в школу пойдет. До этого садик был, а жена работает по сменам в стоматологии, там дежурство по суткам. Это тоже накладывало на меня отпечаток. Я надеюсь, что в ближайшей перспективе руки развяжутся. Надо, чтобы кто-то находился с ребенком» (мужчины, 50–60 лет; такси и курьерская доставка (резиденты РФ); Новосибирск).

Сопоставимая по масштабам группа — респонденты, пришедшие на платформы в связи с выходом на пенсию (12,6% от общей численности имевших опыт платформенной занятости на момент опроса 2024 г.; рис. 8). Поиск подработок через платформы может начинаться и накануне этого события — будущие пенсионеры рассматривают этот формат занятости либо

как возможность подработки для повышения личного дохода, либо как единственный доступный вариант занятости при наличии желания и возможности работать в отсутствие подходящих позиций на традиционном рынке труда или низкой готовности работодателей сохранять и тем более нанимать работников старших возрастов:

«Потом, мне уже через 3 года на пенсию. Может быть, я бы продолжала на пенсии заниматься, не постоянно, иногда. Потому что я же тоже думаю, как мне жить потом. [“То есть эту работу няней через онлайн-платформу вы рассматриваете как возможную подработку на пенсии?”] Да»; «Во-первых, я пенсионер, у меня есть пенсия, но она не очень большая, как у большинства пенсионеров в России, к сожалению. Поэтому в том числе я работаю. У меня основная работа — это методист в музее, и последние 2 года у меня в основном работа дома. Поэтому я могу еще что-то зарабатывать» (женщины, 50–60 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Екатеринбург);

«...идти куда-то наниматься в 53 года — никто с объятиями не берет. Хотя возраст — самое то, опыт есть, работать сможем. Ничего менять пока не собираюсь [поэтому остаюсь на платформе]» (женщины, 40–55 лет; помощь по хозяйству, помощь с детьми, услуги в сфере красоты и ухода; Новосибирск, Екатеринбург, Самара).

При этом одним из факторов, ограничивающих возможности занятости на традиционном рынке труда, может быть здоровье. Этот барьер актуализируется среди старших возрастных групп, но может проявляться и в других. Интересно, что в этом случае востребованной оказывается не только удаленная платформенная занятость (в формате фриланса), но и такие сферы, как, например, такси:

«Тяжелым, напряженным трудом мне нельзя заниматься. Я умею рулить»; «У меня про-

блемы со спиной были. Я потерял работу и после больницы решил поработать именно в Яндекс.Такси» (мужчины, 50–60 лет; такси и курьерская доставка (резиденты РФ); Новосибирск);

«И в силу определенных проблем со здоровьем я полностью решила посвятить себя фрилансу» (мужчины и женщины, 30–45 лет; перевод, дизайн, IT; Ярославль).

Во время обучения (в школе, вузе или колледже) к платформенной занятости обратились 24,7% респондентов, имевших такой опыт на момент опроса 2024 г. При этом среди тех, для кого в текущий момент платформенная занятость является основной, такую траекторию входа отмечают чуть меньше — 21,1%. В эту группу попадают как те, кто еще продолжает учиться и совмещает обучение с занятостью через онлайн-платформы, так и те, кто остался в этом формате после получения образования. При этом, как показывают материалы фокус-групповых исследований 2022 г., студенты в основном воспринимают платформенную занятость как временное решение в связи с собственными ограничениями по объему и графику работы, однако в отдельных случаях возвращаются к ней после неудачных попыток устроиться на традиционном рынке труда:

«...уже с первого курса университета начал работать на фрилансе» (женщины и мужчины, 22–29 лет; перевод, дизайн, IT; Новосибирск);

«Одновременно с этим учусь на магистратуре. И в качестве подработки репетиторство тоже. <...> не было [опыта репетиторства до того, как через платформу стал искать себе заказы]. Сразу платформы»; «Я сразу перешел на платформы... как только я захотел заниматься репетиторством, сразу зарегистрировался» (женщины и мужчины, 22–29 лет; репетиторство, психологическое консультирование, индивидуальные тренировки и занятия; Екатеринбург);

«...я студент, первая половина дня всегда занята. На постоянную работу никак не устроиться, поэтому выбрал эти агрегаторы и платформы. Удобно совмещать с учебой» (мужчины, 22–29 лет; такси и курьерская доставка (резиденты РФ); Ярославль);

«Я учусь в университетах, в двух. Не хватает времени на основную работу. И поэтому у меня есть подработка через приложение “Достависта”, я курьер» (мужчины, 25–39 лет; такси и курьерская доставка; Москва);

«...еще во времена, когда учился в колледже, постиг, что можно давать объявления на Авито — но тогда не как сантехник, а как компьютерный мастер. После выпуска попытался полгода поработать по организациям, не понравилось, вернулся к частным объявлениям» (мужчины, 25–39 лет; ремонт и бытовые услуги; Новосибирск, Екатеринбург, Самара).

Именно для студентов или недавних выпускников платформенная занятость может стать доступным способом найти первую работу, чтобы получить необходимый опыт для дальнейшего позиционирования на рынке труда. В выборке нашего опроса так произошло с 1/5 всех респондентов, имевших опыт платформенной занятости (рис. 8). При этом получение указанного опыта может стать фундаментом как для «классического» трудоустройства, так и для развития предпринимательства или дальнейшей работы через платформы:

«У меня еще тогда не было никакого опыта, “сарафанного радио” тоже никакого не было в моих услугах репетитора. Поэтому пошел туда искать первого ученика» (женщины и мужчины, 22–29 лет; репетиторство, психологическое консультирование, индивидуальные тренировки и занятия; Екатеринбург).

Обобщая сказанное, можно заключить, что, по мнению респондентов, платформенная занятость действительно обеспечивает возможность экономической активности тем группам населения, для которых

трудоустройство на традиционном рынке труда по каким-либо причинам недоступно.

При этом респонденты видят в платформенной занятости как преимущества, так и недостатки, однако преимущества в среднем оцениваются как более явные особенности этого формата (табл. 2). Среди них повторяются те же ее характеристики и особенности, что приводят работников в платформенную экономику: в топ-3 преимуществ, по оценкам опрошенных в 2024 г., попадают возможность удаленной занятости, из дома; гибкий график и автономное планирование рабочего времени, а также — и это самый выраженный, с точки зрения респондентов, ее плюс — возможность расширять географию работы, находить заказчиков (клиентов) из других населенных пунктов или регионов. Это хорошо согласу-

ется с предположениями, сформулированными на основе анализа литературы.

К основным недостаткам платформенной занятости в глазах россиян относятся отсутствие оплачиваемого больничного и отпуска, а также нестабильность заработка. При этом примечательно, что вовлеченные в платформенную занятость респонденты склонны выше оценивать все названные преимущества платформ и ниже — недостатки (по сравнению с теми, кто не имеет опыта платформенной занятости; см. табл. 2).

2.2.4. Стратегии поведения на платформах

Каковы стратегии поведения работников на онлайн-платформах — какой интенсивности эта работа, с какой основной заня-

Таблица 2. Средние баллы согласия с утверждениями, характеризующими недостатки и преимущества платформенной занятости (ПЗ), по 4-балльной шкале*, 2022 и 2024 гг.

Утверждения	2022 г.	2024 г.			
		Все осведомленные о ПЗ	Все осведомленные о ПЗ	Включенные в ПЗ в формате:	
	основной работы			регулярной подработки	эпизодической подработки
Утверждения — недостатки					
Занятость через онлайн-платформы — это работа с неопределенным статусом: то ли официальная, то ли неформальная	2,87	2,99	2,59	2,71	2,85
Занятость через онлайн-платформы предполагает частые переработки	2,69	2,7	2,71	2,58	2,58
Минусом занятости через онлайн-платформы является непонятная (или несправедливая) система рейтингования	—	2,90	2,75	2,53	2,83
Минусом занятости через онлайн-платформы является отсутствие оплачиваемого больничного	3,18	3,23	3,16	3,11	3,18

Окончание табл. 2

Утверждения	2022 г.		2024 г.		
	Все осведомленные о ПЗ	Все осведомленные о ПЗ	Включенные в ПЗ в формате:		
			основной работы	регулярной подработки	эпизодической подработки
Минусом занятости через онлайн-платформы является отсутствие оплачиваемого отпуска	2,98	3,14	3,17	3,14	3,07
Минусом занятости через онлайн-платформы является отсутствие прав на пенсию	3,06	3,08	2,79	3,01	3,03
При занятости через онлайн-платформы очень изменчивые, нестабильные заработки	—	3,23	2,94	3,17	3,3
У занятости через онлайн-платформы неясная система налогообложения	2,79	2,80	1,93	2,30	2,6
Утверждения — преимущества					
Занятость через онлайн-платформы дает большую автономию — можно самостоятельно планировать свой рабочий день, время и приоритетность выполнения различных задач	—	3,24	3,40	3,44	3,31
Занятость через онлайн-платформы может обеспечить достаточно высокий уровень дохода	2,60	2,69	2,99	2,90	2,64
Занятость через онлайн-платформы может обеспечить стабильный, постоянный доход	2,41	2,42	2,92	2,74	2,42
Занятость через онлайн-платформы позволяет находить заказчиков (клиентов) из других населенных пунктов или регионов, по всей стране или даже миру	—	3,42	3,60	3,51	3,51
Занятость через онлайн-платформы позволяет не сталкиваться с дискриминацией, предвзятым отношением (из-за возраста, состояния здоровья, наличия маленьких детей и проч.)	—	3,03	3,06	3,04	3,02
Занятость через онлайн-платформы позволяет получать доход сразу же, а не как при традиционной работе по найму — в фиксированное время	—	2,95	2,97	2,86	3,01
Занятость через онлайн-платформы позволяет работать из дома, никуда не выезжая	—	3,36	3,56	3,58	3,35
Занятость через онлайн-платформы позволяет совмещать работу с уходом за детьми и другими родственниками (с плохим здоровьем)	—	3,19	3,34	3,41	3,23

* В вопросах анкеты балльная шкала упорядочена таким образом, что 1 соответствует утверждению «полностью не согласны», 4 — «полностью согласны».

Прочерки в ячейках за 2022 г. соответствуют утверждениям, дополнительно внесенным в анкету выборочного обследования 2024 г.

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

тостью россияне сочетают платформы и как используют существующий потенциал платформенной экономики?

Данные опроса ИСП НИУ ВШЭ 2024 г. показывают, что средняя длительность платформенной занятости на протяжении недели до проведения анкетирования по всем респондентам, включенным в такой формат занятости, составила 10 ч (с учетом времени как на поиск заказов и клиентов на платформах, так и непосредственно на выполнение работ). При этом те, кто указал платформенную занятость в качестве основной, в среднем тратили на нее 28,9 ч, регулярно подрабатывающие через платформы в дополнение к основной занятости — 11,3 ч, а занятые на платформах эпизодически — 4,7 ч в неделю.

Более точные представления о временных затратах на платформенную занятость дает распределение по отработанным часам (рис. 9). Так, среди указавших платформенную занятость в качестве своей основной работы почти половина (49,3%) были заняты ею более 30 ч на неделю перед опросом, а доля тех, кто тратит на работу через платформы 40 ч и более, в этой группе составляет 38%. Еще 13,2% респондентов из этой группы отработали более от 20 до 30 ч за неделю. В то же время около четверти указали, что в течение недели до опроса потратили на платформенную занятость менее 10 ч; и в составе этой категории могут быть как те, кто работал в этот период меньше обычного, так и те, кто в силу различных ограничений регулярно включен в рынок труда лишь в таком минимальном объеме.

При этом при переходе от платформенной занятости как основной к таким подработкам мы видим резкое (и ожидаемое) увеличение именно данной доли респондентов — вплоть до 85,2% работавших менее 10 ч в неделю среди подрабатывающих

эпизодически. Интересно, однако, что даже среди подрабатывающих есть респонденты, включенные в платформенную занятость в объеме, соответствующем полной рабочей неделе (40 ч и более): 6,3% среди регулярно подрабатывающих в дополнение к основной работе и 2,6% — среди подрабатывающих эпизодически.

Работники, которые совмещают основную занятость с регулярными подработками через платформы, чаще всего заняты в таких отраслях, как образование и наука (и вовлечены в профильную занятость через платформы в формате репетиторства и преподавания), промышленность и производство (и в данном случае платформенная подработка чаще оказывается не связана с профилем основной работы), торговля, строительство и информационные технологии (табл. 3). При этом в последних двух случаях распространенность названных отраслей выше в эпизодических подработках, в то время как в отношении сферы образования ярко проявляется преобладание в формате регулярных подработок, которые могут выполнять функцию постоянного источника дополнительного дохода.

В табл. 3 обращает внимание значительное сокращение доли занятых в строительстве среди регулярно подрабатывающих через платформы в 2024 г. по сравнению с 2022 г. (с 7,5 до 1,5%). Это может объясняться существенным повышением спроса на специалистов этой сферы на традиционном рынке труда — в связи как с оттоком мигрантов, специализирующихся в том числе на строительстве, так и с увеличением объемов жилищного и коттеджного строительства в рамках проектов девелоперских компаний в последние годы.

Среди респондентов, регулярно подрабатывающих в дополнение к основной

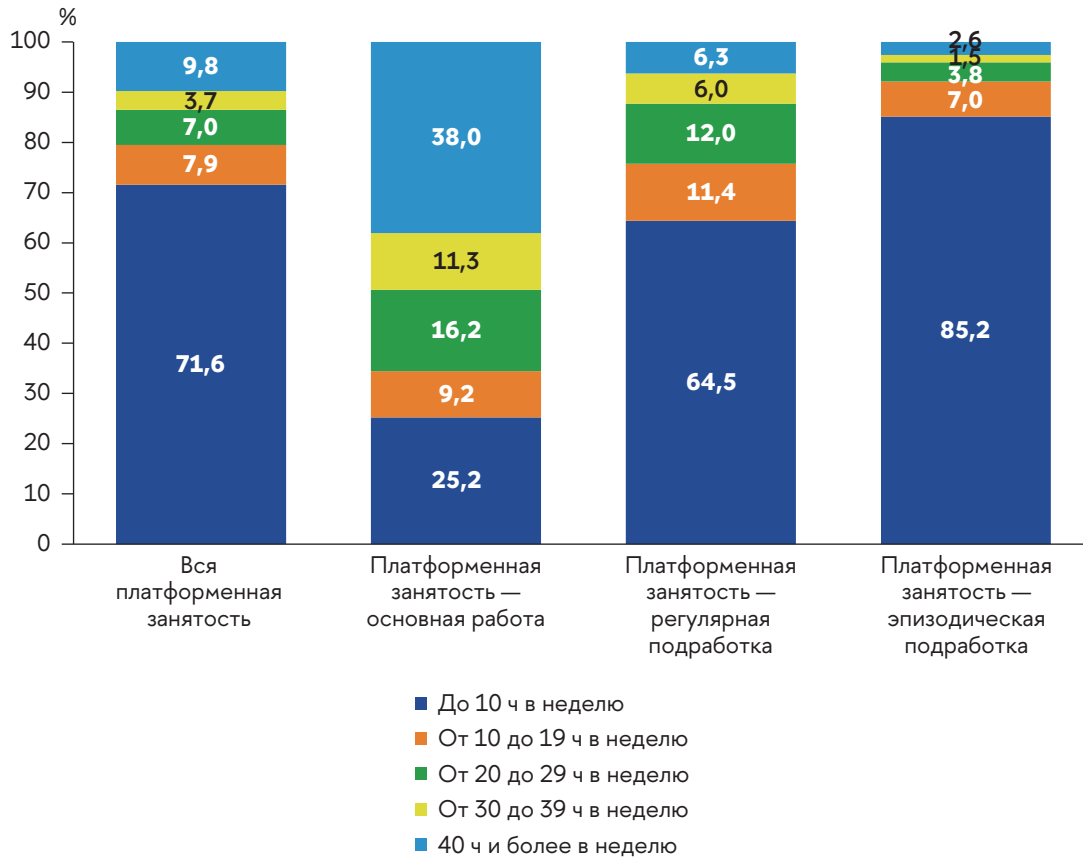

Рис. 9. Структура респондентов, вовлеченных в платформенную занятость в разных форматах, по числу отработанных через платформы часов на протяжении недели до опроса, 2024 г., %

Источник: Данные специального выборочного обследования ИСП НИУ ВШЭ.

Таблица 3. Наиболее распространенные отрасли основной занятости среди респондентов, подрабатывающих через платформы в дополнение к основной занятости, % от численности группы, 2022 и 2024 гг.

Сфера основной занятости	Регулярно подрабатывающие через платформы		Эпизодически подрабатывающие через платформы	
	2022 г.	2024 г.	2022 г.	2024 г.
Образование и наука	26,3	29,0	18,6	17,8
Промышленность и производство	12,4	11,5	12,2	12,8
Торговля	9,7	13,7	8,7	8,4
Строительство	7,5	1,5	8,2	7,3
Информационные технологии, связь, Интернет	7,0	8,4	11,2	11,3
Сфера услуг, сервиса, бытового обслуживания	4,8	5,3	3,5	7,2

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

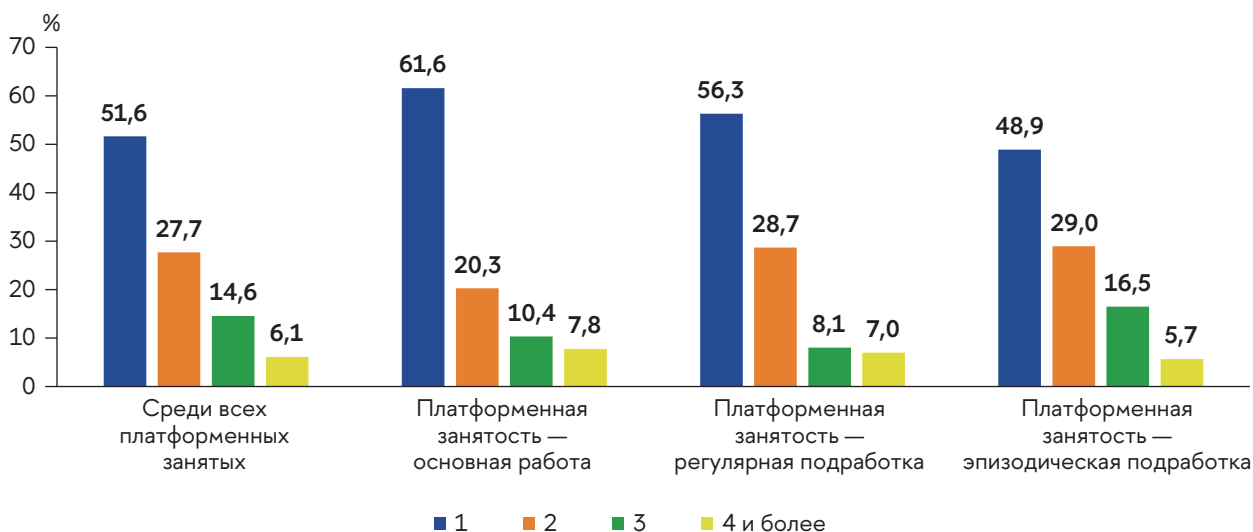

Рис. 10. Распределение респондентов, вовлеченных в платформенную занятость в разных форматах, по числу используемых платформ, 2024 г., %

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

работе, преобладают занятые на ней по найму на условиях трудового соглашения или контракта бессрочно (в 2024 г. их доля составила 58,8%, в 2022 г. — 51,6%) или на срочных трудовых контрактах и договорах (еще 12,2% и 9,7% соответственно). Следующей по распространенности группой оказываются занятые индивидуальной трудовой деятельностью или частным предпринимательством (13,7% в 2024 г. и 19,9% в 2022 г.). Аналогичные оценки по отношению к эпизодически занятым на платформах в дополнение к основной работе оказываются очень близки, как и средняя продолжительность рабочего дня на основной работе; и в той и в другой группе они чуть меньше 40 ч в неделю (длительность стандартной 5-дневной рабочей недели): 37,9 ч у подрабатывающих регулярно и 39,5 ч — у подрабатывающих эпизодически. 62,3% респондентов, регулярно подрабатывающих через платформы, на основной работе обычно работают вне дома, 19,1% — дома, а 18,3% имеют возможность комбинировать два этих варианта.

При этом, как показывают результаты опроса 2024 г., значительная часть российских платформенных работников независимо от масштаба включенности в платформенную занятость используют более одной платформы для поиска клиентов и заказов (рис. 10). В среднем по этой категории лишь немногим более половины занятых (51,6%) используют только одну платформу; среди указавших платформы в качестве основной занятости эта доля возрастает (до 61,6%), а среди работающих на них эпизодически — сокращается (до 48,9%).

Наиболее распространенными по состоянию на апрель 2024 г. у платформенных занятых были платформы Авито.Услуги (ее используют 49,7% всех имеющих опыт платформенной занятости; см. рис. 11). За ней идут платформы, специализирующиеся на услугах такси и доставки; их используют 23,4% платформенных занятых, в том числе 13,9% — экосистему Яндекс.Go. Затем — платформы Яндекс.Услуги (22,8%) и Профи.ру (19,0%). В целом в перечне наи-

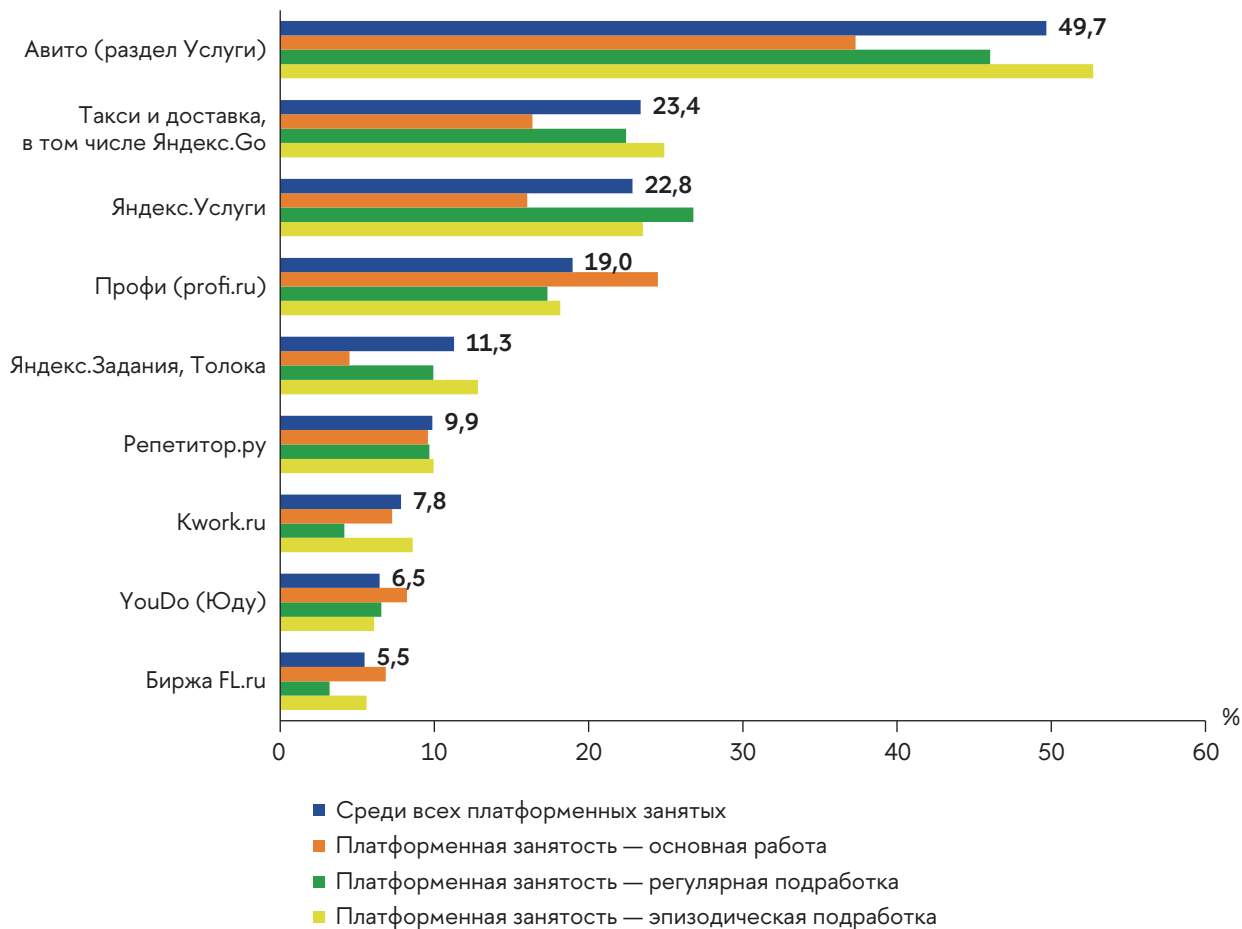

Рис. 11. Наиболее популярные среди вовлеченных в платформенную занятость платформы, % использующих платформы в группах занятых в разных форматах

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

более востребованных платформ лидерами оказываются «классические» платформы — агрегаторы заказов и исполнителей, которые не являются специальными фриланс-биржами для высококвалифицированных работников, имеющими давнюю историю развития в России. Фриланс-площадки — Kwork.ru и FL.ru — в рамках опроса отметили лишь 7,8% и 5,5% исполнителей соответственно.

Среди респондентов, для которых работа через онлайн-платформы выполняет роль основной, лидерами также оказалась площадка Авито (37,3% группы используют ее), а следом за ней идет портал Профи.ру (24,5%). Платформы — агрегаторы такси среди занятых на платформах в качестве основной работы занимают третье место — их используют 16,4% опрошенных указанной категории.

3. Связь платформенной занятости с экономической активностью и доходами социально уязвимых групп населения. Оценки на данных обследований НИУ ВШЭ

С учетом результатов, полученных на основе обобщения литературы в первом разделе доклада, для более подробного анализа влияния платформенной экономики на занятость в России были отобраны группы населения, для которых выход на традиционный рынок труда может быть затруднительным. К ним относятся:

- 1) студенты;
- 2) респонденты предпенсионного возраста¹;
- 3) пенсионеры;
- 4) респонденты, имеющие ограничения по состоянию здоровья, т.е. имеющие инвалидность либо отметившие наличие заболеваний, ограничивающих жизнедеятельность;
- 5) проживающие в сельской местности;
- 6) лица без высшего образования;
- 7) женщины, имеющие детей в возрасте до 3 лет;
- 8) а также женщины с несколькими несовершеннолетними детьми.

Для выделения указанных категорий в массивах обследований использовались комбинации ответов на вопросы об основном занятии респондента (по самоопределению), о поле, возрасте, состоянии

здоровья, наличии и числе несовершеннолетних детей и их возрасте, а также о месте проживания. Порядок определения категорий схематично изображен на рис. 12.

Для оценки связи платформенной занятости с экономической активностью различных групп населения были рассчитаны доли работающих респондентов без учета активности на платформах и с ее учетом. При этом для более точного представления роли платформ в этой части анализа мы разделяем два формата платформенной занятости: 1) регулярную (она предполагает выполнение работ с использованием платформ не реже 1 раза в месяц) и 2) любую платформенную занятость, включая эпизодическую. Во втором случае учитывается даже нерегулярная вовлеченность в работу с использованием цифровых платформ на протяжении 12 месяцев до проведения опроса².

Отметим, что различия в оценках доли занятых в разных группах населения, приведенные в этом разделе доклада, являются статистически значимыми для всех включенных в рассмотрение категорий респондентов³.

¹ Респонденты, не определяющие себя как пенсионеры, но находящиеся в возрасте старше 50 лет и до наступления официально установленного пенсионного возраста.

² Более подробное описание методологии анализа приведено в Приложении к докладу.

³ Исключение составляют две слабо наполненные в выборке группы женщин с детьми: во-первых, имеющие детей только в возрасте до 3 лет (в 2022 и 2024 гг.) и, во-вторых, имеющие детей только в возрасте от 3 до 7 лет (только в

Рис. 12. Определение уязвимых групп населения

Сравнение полученных оценок показывает прежде всего, что доля занятых во всех рассмотренных группах увеличилась в 2024 г. по сравнению с 2022 г. (рис. 13–15), что связано с общим ростом экономической активности и занятости в российской экономике на фоне дефицита трудовых ресурсов, вызванного структурной пере-

стройкой экономики и сокращением численности и доли населения в активных трудоспособных возрастах.

Как в 2022 г., так и в 2024 г. доля работающих при учете занятости на платформах оказывается значительно выше (также во всех рассмотренных группах населения). Прирост этого показателя в 2024 г.

2024 г.). Для этих категорий оказалась незначима разница при учете только регулярной работы через платформы, т.е. выполнение заказов раз в месяц или чаще.

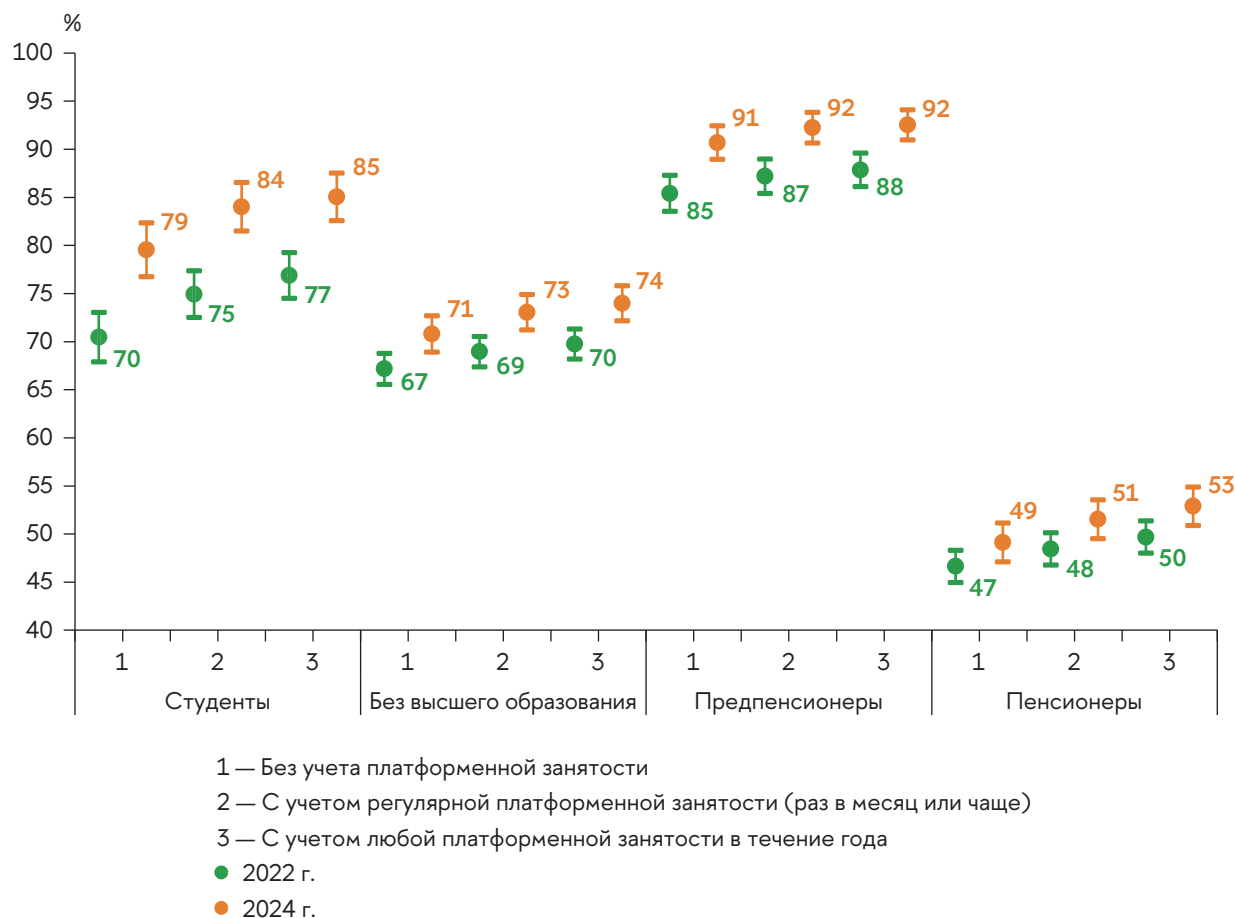

Рис. 13. Доля работающего населения в указанных категориях без учета и с учетом платформенной занятости, % от категории населения

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

оценивается в интервале от 1 п.п. (лица в предпенсионном возрасте, рис. 13) до 6 п.п. Наибольшее значение с точки зрения вовлеченности в оплачиваемую занятость платформы имеют группы, которые предположительно сталкиваются с самыми жесткими ограничениями по графику и формату подходящей для них работы с учетом их других обязательств. К ним относятся женщины с тремя и более несовершеннолетними детьми (для них прирост с учетом платформенной занятости составляет +6 п.п. в доле занятых в 2024 г., см. рис. 15), лица с инвалидностью (+6 п.п., см. рис. 14) и студенты (+6 п.п., см. рис. 13). При этом для студентов и лиц с инвалид-

ностью больший эффект дает регулярная платформенная занятость, в то время как для женщин с детьми — в равной степени регулярная и эпизодическая.

Среднее положение занимают такие группы, как пенсионеры (+4 п.п., см. рис. 13), женщины с детьми младше 3 лет и лица, имеющие ограничивающие жизнедеятельность заболевания (тоже по +4 п.п., см. рис. 14), а также проживающие в сельской местности (+3 п.п., см. рис. 14).

Более подробный анализ положения женщин с детьми показывает, что доля работающих в этой группе в целом заметно снижается с ростом числа детей и повышается с увеличением их возраста (рис. 15).

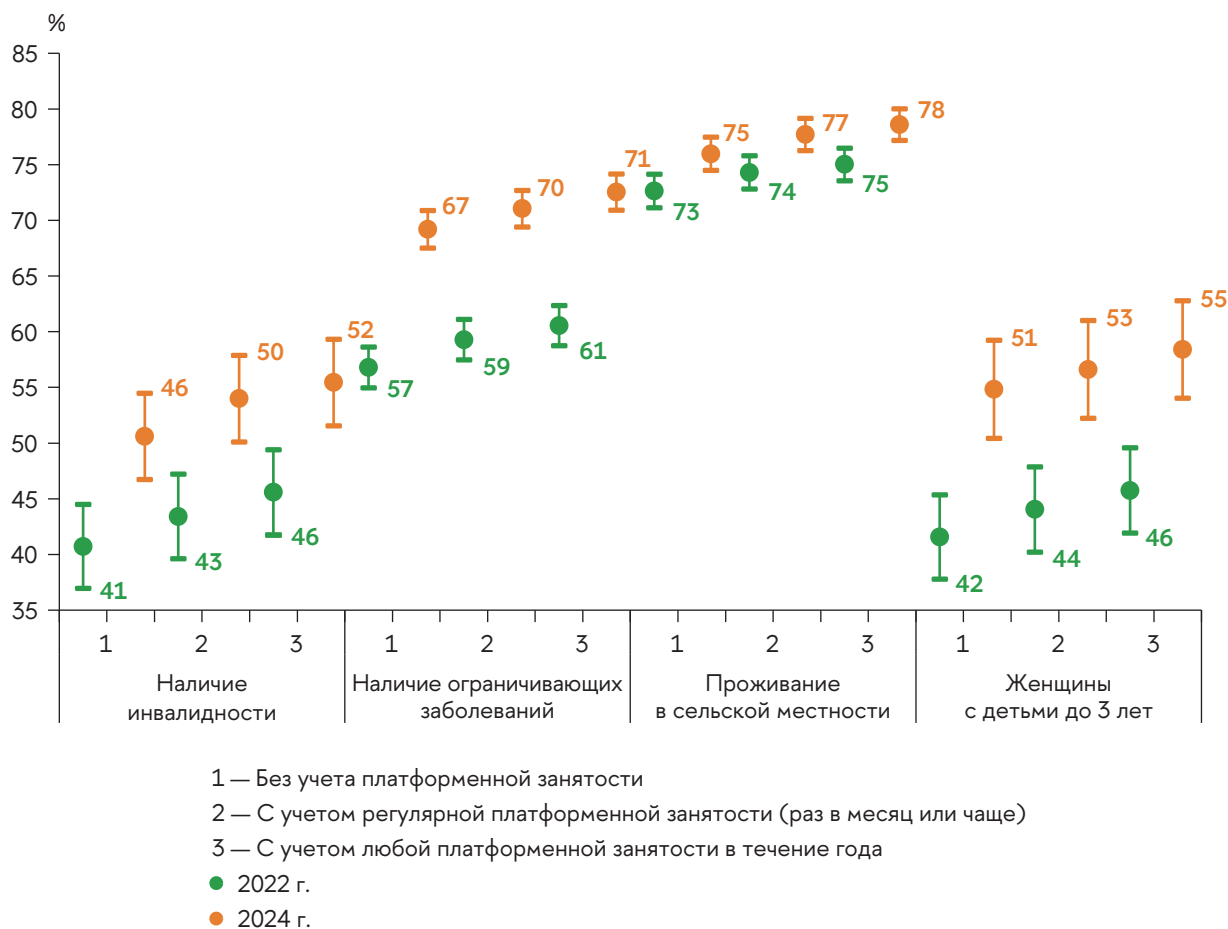

Рис. 14. Доля работающего населения в указанных категориях без учета и с учетом платформенной занятости, % от категории населения

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

Соответственно этому изменяется и роль платформ: она оказывается тем выше, чем ниже вовлеченность в занятость. Получается, что в условиях ограниченных возможностей трудоустройства в связи с высокой нагрузкой семейными обязанностями именно платформы становятся доступным способом получения трудового дохода, пусть и не всегда регулярного.

Оценка доходов платформенных работников на материалах обследований ИСП НИУ ВШЭ ограничена форматом опросных данных: и в 2022 г., и в 2024 г. вопросы о совокупных и платформенных доходах респондентов, а также об общем доходе их семей задавались в интервальной фор-

ме — респондентов не просили указывать точной суммы, но предлагали обозначить себя на шкале, включающей несколько градаций. Выбор такой формулировки вопроса связан с его чувствительностью: информация о доходах является сенситивной, а ее раскрытие представляется опасным для респондента, поэтому запрос точных сумм может приводить к существенным искажениям в ответах либо прерыванию заполнения анкеты, причем оба этих исхода более вероятны в онлайн-опросе по сравнению с личным или телефонным интервью. С нашей точки зрения, сбор данных в интервальной форме, хотя и ограничивает аналитический потенциал обследования,

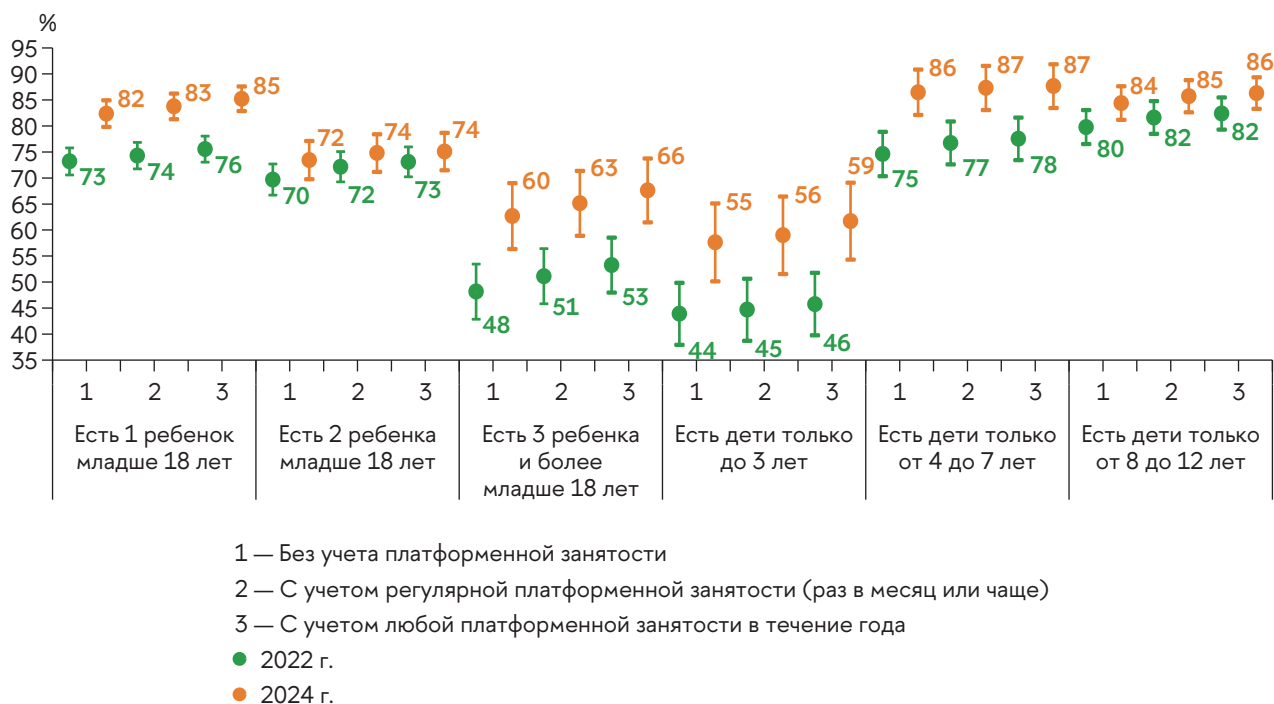

Рис. 15. Доля работающего населения среди женщин с детьми разного возраста, без учета и с учетом платформенной занятости, % от категории населения

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

позволяет сохранить относительно высокий уровень кооперации респондентов и потому снижает потенциальные смещения в выборке.

Приведенные на рис. 16–18 оценки построены на основе распределения интервальной переменной и являются приближительными. Тем не менее они, во-первых, дают представление о соотношении различных видов доходов лиц, включенных в платформенную занятость, а во-вторых, характеризуют динамику этих показателей в последние годы.

Так, если в 2022 г. средний доход от работы через онлайн-платформы у всех респондентов, вовлеченных в такую занятость независимо от регулярности, составлял около 15 тыс. руб. в месяц, то в 2024 г. он увеличился до 21,3 тыс. руб. (+41%). За этой относительно низкой величиной стоит высокая дифференциация доходов плат-

форменных занятых, работающих регулярно и эпизодически. Среди респондентов, указавших на онлайн-платформы в качестве основной работы, средний доход от этого вида деятельности вырос с 31,5 тыс. до 48,8 тыс. руб. в месяц (+55%), среди регулярно подрабатывающих с использованием платформ он сократился с 19,3 тыс. до 18,2 тыс. руб. в месяц (–6%), а среди подрабатывающих эпизодически — увеличился с 9 тыс. до 14,5 тыс. руб. в месяц (+41%).

При этом, как видно из рис. 16, ни в одной из трех групп доход от платформенной занятости, как правило, не является единственным. Значимыми являются различия между оценками ежемесячных поступлений от работы через платформы и совокупного личного дохода. Ожидается, что они оказываются минимальными среди респондентов, указавших платформы в каче-

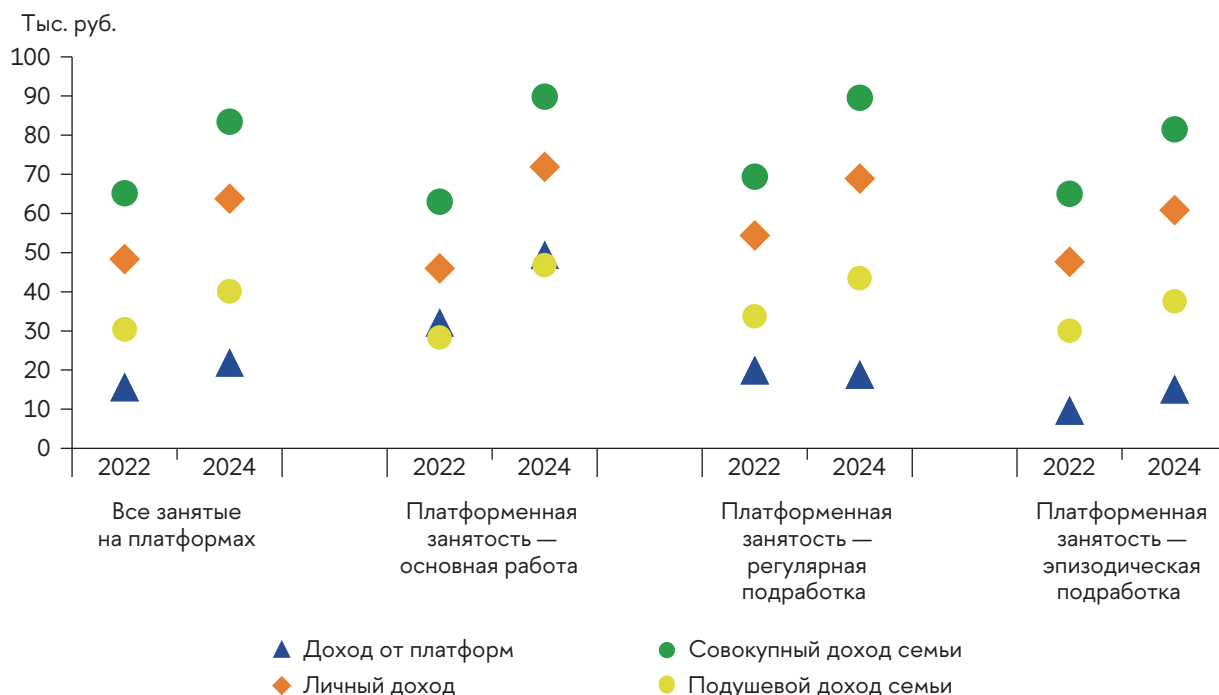

Рис. 16. Средние платформенные, совокупные индивидуальные и домохозяйственные доходы платформенно занятых респондентов в 2022 и 2024 гг., тыс. руб. в месяц

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

стве основной занятости. А в группе эпизодически подрабатывающих этот разрыв сопоставим с аналогичным показателем для включенных в платформенную работу регулярно, однако номинальные доходы у них в среднем оказываются ниже, чем во всех других группах; это косвенно указывает на ограниченные возможности трудоустройства в целом.

Исходя из оценки средних доходов от платформенной занятости в выделенных ранее социальных группах, наиболее значимый рост этого показателя в 2022–2024 гг. произошел среди студентов и лиц без высшего образования (пересекающиеся, хотя и не тождественные группы; в них средние доходы от платформенной занятости увеличились примерно вдвое), а также среди женщин с одним несовершеннолетним ребенком (+76,5%, см. рис. 17, 18).

Одновременно с этим в ряде групп средние доходы от платформенной работы сократились. К ним относятся лица с инвалидностью (–39%), женщины с детьми в возрасте до 3 лет (–28%) и женщины с двумя несовершеннолетними детьми (–34%). При этом среди респондентов, имеющих ограничения, связанные со здоровьем (инвалидность либо заболевания, ограничивающие жизнедеятельность), наблюдается наименьший разрыв между доходами от платформенной занятости, совокупными индивидуальными, а также домохозяйственными доходами, что свидетельствует о высоком экономическом значении платформенной работы для них.

Полученные оценки следует интерпретировать с осторожностью, поскольку в данном случае накладываются три ограничения, из-за которых могут возникать сме-

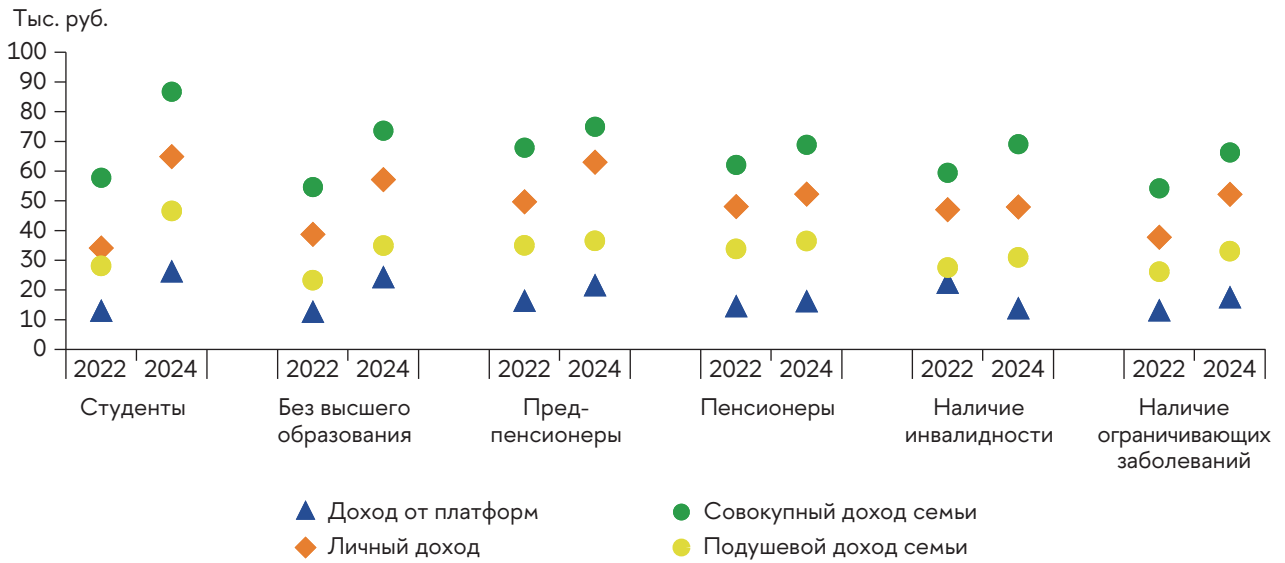

Рис. 17. Средние платформенные, совокупные личные и домохозяйственные доходы указанных категорий населения в 2022 и 2024 гг. среди респондентов, включенных в платформенную занятость, тыс. руб. в месяц

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

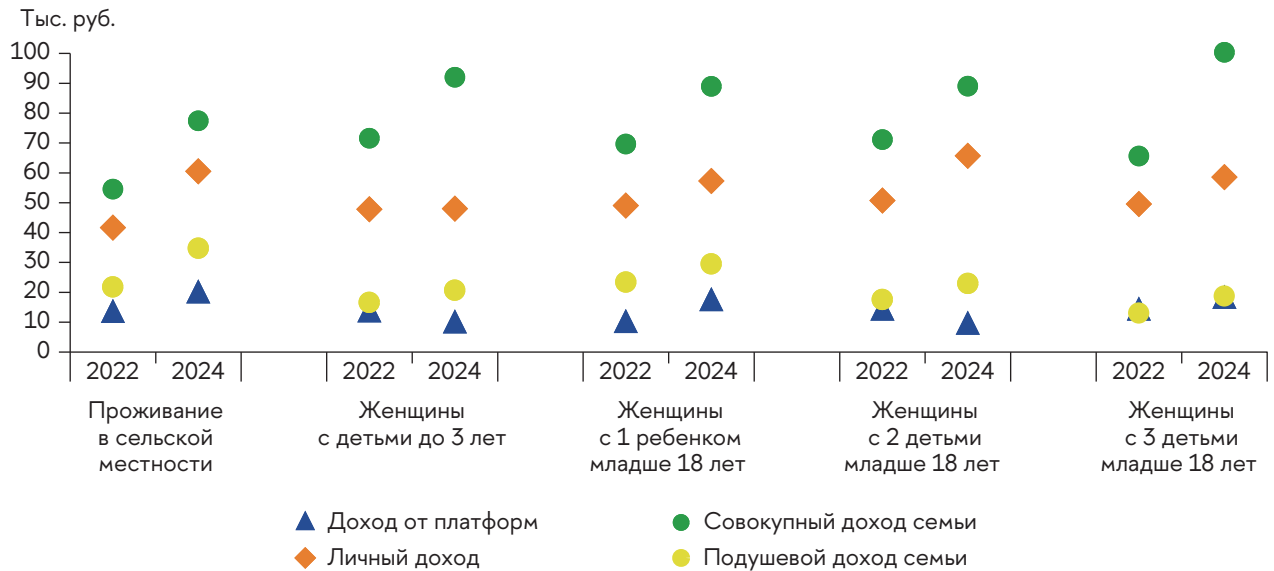

Рис. 18. Средние платформенные, совокупные личные и домохозяйственные доходы указанных категорий населения в 2022 и 2024 гг. среди респондентов, включенных в платформенную занятость, тыс. руб. в месяц

Источник: Данные специальных выборочных обследований ИСП НИУ ВШЭ.

щения: относительно небольшой размер групп в выборочной совокупности, интервальные градации доходов и отсутствие информации о часах работы на платформах в обследовании 2022 г. Тем не менее на их основе можно заключить, что дальнейшее развитие платформенной экономики будет способствовать повышению инклюзивности экономического роста в том случае, если будет сопровождаться поиском решений, направленных на облегчение входа

в высококвалифицированные платформенные отрасли, на расширение возможностей регулярной занятости и рост доходов наиболее уязвимых групп. До сих пор при общем положительном вкладе платформенной занятости в экономическую активность и доходы групп населения, уязвимых на традиционном рынке труда, этот формат не позволяет полностью преодолеть сложившиеся неравенства, хотя и способствует их сглаживанию.

Заключение

Трансформирующее влияние технологических изменений на рынок труда (автоматизации, роботизации, цифровизации и появления платформ и алгоритмов) является предметом активной научной, экспертной и широкой общественной дискуссии уже не одно десятилетие. Занятость в платформенной экономике занимает в этой дискуссии особое место, поскольку в ней исчезает привычный формат отношений работника и работодателя, но одновременно характер отношений между индивидуальными подрядчиками (платформенно занятыми) и их клиентами (заказчиками), опосредуемый платформами и регулируемый алгоритмами, не в полной мере может быть отнесен к привычным — «традиционным» — форматам самозанятости или индивидуального предпринимательства.

Перед авторами данного доклада стояла, с одной стороны, амбициозная, а с другой — довольно простая и в большей мере описательная задача: посмотреть, как изменились масштабы платформенной занятости в России за последние два года, и попытаться оценить, в какой мере платформенная экономика становится источником занятости и повышения доходов тех групп населения, которые испытывают сложности на «традиционном» рынке труда, — молодежи, женщин с маленькими детьми, лиц с инвалидностью, предпенсионеров и пенсионеров. Вопросы, касающиеся условий труда в платформенной экономике, взаимодействия с заказчиками,

степени автономии работников и др., остались за рамками этого доклада.

Обзор научных и экспертных публикаций по вопросам платформенной занятости подтвердил сохраняющиеся сложности в оценке масштабов платформенной занятости и, как следствие, значительную вариацию имеющихся оценок. В 2022–2023 гг., согласно интегральным оценкам Всемирного банка, комбинирующим информацию из нескольких источников, в платформенную занятость были включены порядка 154–435 млн человек, или от 4,4 до 12% мировой рабочей силы в зависимости от метода их учета [World Bank, 2023]. Данные опросов населения, как правило, дают более скромные оценки: в 2021 г. в общем числе занятых платформенные работники составляли от 0,5% в Чили до 4% на Филиппинах [ILO, 2024, p. 17].

По оценкам НИУ ВШЭ на основе специальных выборочных опросов населения, общий охват населения в возрасте 18–72 лет платформенной занятостью в России увеличился с 14,6% в апреле 2022 г. до 16,0% в апреле 2024 г., в том числе регулярной платформенной занятостью — с 3,2 до 3,5%, а эпизодической — с 11,4 до 12,5%. По данным Обследований рабочей силы Росстата за 2023 г., в платформенной экономике были заняты 2,8% населения, или 4,6% занятых 15 лет и старше. Более низкие по сравнению с опросом НИУ ВШЭ оценки связаны, с одной стороны, с отношением к населению в более широком возрастном диапазоне, а с другой — с ограни-

ченными возможностями существующей методологии Росстата учитывать эпизодическую платформенную занятость. В любом случае включенность российского населения в платформенную экономику, по сопоставимым опросным данным, находится на достаточно высоком по меркам других стран уровне.

Платформенная занятость в России в большей степени распространена среди городских жителей, мужчин, молодежи (и включенность в нее убывает с возрастом), а также учащихся и студентов. При этом в последние два года, с одной стороны, обозначился градиент во включенности в платформенную экономику по размеру города (распространенность платформенной занятости сокращается при переходе от крупных населенных пунктов к мелким), а с другой — выросло участие в ней жителей села. Динамика вовлеченности женщин в платформенную занятость по разным источникам данных противоречива, но в любом случае женщины до сих пор реже оказываются платформенными работниками, чем мужчины.

Оценки структуры платформенных работников по уровню образования в разных странах сильно различаются в зависимости от источника данных и от того, какие платформы (глобальные или локальные) и какие сектора платформенной экономики включаются в анализ. При этом в среднем в мире свыше 70% платформенных работников не имеют третичного образования, и доля лиц с низким уровнем образования выше на локальных платформах [World Bank, 2023]. В России, согласно данным Обследований рабочей силы Росстата, в 2023 г. свыше половины платформенных работников имели третичное образование; и хотя масштабы участия в платформенной экономике в качестве основной или регулярной дополнительной занятости выше среди

лиц со средним общим и ниже образованием, данные опросов НИУ ВШЭ показывают, что эпизодическая или нерегулярная дополнительная занятость на платформах остается привлекательной и для лиц с высшим образованием.

Платформенная занятость — важный источник повышения уровня доходов работающего населения: у двух из трех платформенных работников, по оценкам Всемирного банка, или у 70%, по оценкам МОТ, она дополняет основную работу на регулярной или эпизодической основе [ILO, 2024, p. 21]. В России, по данным опросов НИУ ВШЭ за 2022 и 2024 гг., у примерно 89% работников платформенная занятость является дополнительной к основной работе. Вместе с тем если учитывать только регулярную платформенную занятость, то доли основной и дополнительной работ оказываются примерно равны.

Исследования по другим странам показывают, что распространенность платформенной занятости в качестве основного или единственного занятия зависит от сектора занятости [ILO, 2024]. Однако данные опроса НИУ ВШЭ 2024 г. выявили лишь умеренную дифференциацию по секторам: доля платформенной занятости как основной варьирует от 5,2% в сферах изготовления товаров (одежды, еды и др.) своими руками для продажи и присмотра за детьми и пожилыми (8,3%) до 16,5% — в сфере грузовых и пассажирских перевозок и курьерской доставки. Работники, которые совмещают основную занятость с регулярными подработками через платформы, чаще всего заняты в таких отраслях, как образование и наука (и вовлечены в профильную занятость через платформы в формате репетиторства и преподавания), промышленность и производство (и в данном случае платформенная подработка чаще оказывается не связанной

с профилем основной работы), торговля, строительство и информационные технологии.

Новые рабочие места, создаваемые в платформенной экономике, обладают рядом специфических характеристик (низкие барьеры входа, большая свобода в выборе времени (гибкий график) и места (возможность работать из дома) работы и т.п.), отличающих их от стандартных рабочих мест. Они открывают возможности для людей, испытывающих трудности с трудоустройством на «традиционном» рынке труда, и тем самым способствуют повышению экономической активности населения. Однако эмпирические оценки пока немногочисленны и касаются преимущественно положения таких групп, как женщины и молодежь.

Актуальные данные по России свидетельствуют о том, что платформенная занятость действительно обеспечивает возможность экономической активности тем группам населения, для которых трудоустройство на «традиционном» рынке труда по каким-либо причинам недоступно. Так, в 2024 г. 36% платформенных занятых указали, что вышли на онлайн-платформы потому, что не могли найти другую работу, которую можно выполнять из дома; 34% — потому, что не могли найти другую работу с подходящим графиком; 25% — потому, что, в принципе, не могли найти никакую другую работу. Среди тех, для кого платформенная занятость является основной, 46% выбрали этот формат потому, что не могли найти другую работу с подходящим графиком. Треть занятых, для которых работа через платформы является основной, вышли на них в дополнение к основной работе, а со временем полностью перешли на такой формат.

Наибольшее значение с точки зрения вовлеченности в оплачиваемую занятость

платформы имеют для групп с самыми жесткими ограничениями по графику и формату работы — это женщины с тремя и более несовершеннолетними детьми, лица с инвалидностью, студенты. Среднее положение по сравнению с другими группами занимают женщины с детьми младше 3 лет, пенсионеры, лица, имеющие ограничивающие жизнедеятельность заболевания, а также проживающие в сельской местности. Таким образом, платформы вносят важный вклад в развитие инклюзивной занятости и поддержку доходов семей с детьми.

Тем не менее все еще существует ряд проблем, сдерживающих возможность в полной мере использовать потенциал платформенной занятости. Речь идет преимущественно о неравном цифровом доступе и недостаточных цифровых навыках, а также о сохраняющемся гендерном неравенстве и дискриминации. Соответственно, для полноценного использования всех возможностей платформенной занятости со стороны государства необходима реализация политики, направленной на устранение или, по меньшей мере, минимизацию существующих на данный момент барьеров. На это указывают и эксперты МОТ, отмечая, что «возможности, предоставляемые платформами для создания рабочих мест, расширились бы, если бы они были учтены в национальной политике занятости» [ILO, 2024, p. 63].

Кроме того, при общем положительном вкладе платформенной занятости в экономическую активность и доходы уязвимых на «традиционном» рынке труда групп населения этот формат не позволяет полностью преодолеть сложившиеся неравенства. Например, за последние два года, как показывают данные опросов НИУ ВШЭ, в России в ряде групп средние доходы от платформенной работы не воз-

растали или даже сокращались (к ним относятся лица с инвалидностью, женщины с детьми в возрасте до 3 лет и женщины с двумя несовершеннолетними детьми). Эти результаты могут быть объяснены недостаточной мощностью эмпирической базы (в связи с тем, что указанные группы малочисленные в выборке опросов, мы можем сталкиваться с ошибками измерения) или более глобальными изменениями на рынке труда, в связи с которыми часть занятых переходят от платформенной занятости к традиционной, возможно, на условиях неполного рабочего дня. В любом случае обнаруженные изменения заслуживают внимания и дальнейших исследований.

При этом можно предположить, что происходит постепенная формализация платформенной занятости. Так, в 2022 г. полностью или частично оформляли официально свои работы через платформы 51,4% вовлеченных в этот формат экономической деятельности, а в 2024 г. — 54,5%. Основным драйвером этого процесса стало развитие самозанятости (регистрации в качестве плательщика налога на профессиональный доход): в 2022 г. таким образом определяли себя 34,6% официально оформивших работы платформенно занятых, а в 2024 г. — уже 45,9%.

К основным преимуществам платформенной занятости россияне относят расширение базы заказчиков за рамки своего места проживания, возможность работать из дома, гибко и автономно планировать собственный график. К основным недостаткам — отсутствие оплачиваемого больничного и отпуска, а также нестабильность заработка. При этом преимущества платформенной занятости в целом видятся более явными (получают более высокие оценки по 4-балльной шкале поддержки), чем ее недостатки.

Те, кто называет платформенную занятость в качестве основной работы, весной 2024 г. в среднем тратили на нее 28,9 ч, регулярно подрабатывающие через платформы в дополнение к основной занятости — 11,3 ч, а занятые на платформах эпизодически — 4,7 ч в неделю. В то же время среди указавших платформенную занятость в качестве своей основной работы почти половина (49,3%) заняты ею более 30 ч в неделю, а доля тех, кто тратит на работу через платформы 40 ч и более, в этой группе составляет 38%. Среди подрабатывающих доля включенных в платформенную занятость в объеме, соответствующем полной рабочей неделе (40 ч и более), составляет 6,3% среди регулярно подрабатывающих в дополнение к основной работе и 2,6% — среди подрабатывающих эпизодически.

Наиболее популярные платформы в 2024 г.: Авито.Услуги (на ней зарегистрированы почти 50% россиян, имеющих опыт платформенной занятости), Яндекс.Услуги (23%), Профи.ру (19%) и Яндекс.Go (14%). При этом среди всех платформенных занятых 51,6% зарегистрированы на одной платформе, 27,7% — на двух, 20,7% — на трех и более. Среди тех, для кого платформенная занятость является основной, аналогичные показатели составляют 61,6%, 20,3% и 18,1%. Описанная ситуация может стать одним из технических барьеров в развитии регулирования сегмента платформенной занятости.

Завершая, стоит подчеркнуть, что дальнейшее развитие платформенной экономики будет способствовать повышению инклюзивности экономического роста в том случае, если оно будет сопровождаться поиском решений, направленных на облегчение входа в высококвалифицированные платформенные отрасли, и созданием возможностей регулярной

занятости и условий труда для наиболее уязвимых групп. Одним из решений здесь могло бы стать сотрудничество государства (в лице служб занятости) и платформ в организации обучения, с одной стороны, цифровым навыкам и умению работать с

платформами, а с другой — более широкому набору востребованных компетенций потенциальных платформенных занятых с более низкими уровнями образования и квалификации (например, женщин и молодежи).

Список использованных источников

- Банк России. Динамика потребительских цен. Март 2023 г. № 3 (87). [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/CPD_2023-3/ (дата обращения: 18.04.2024).
- Вилкова О.В. Гендер как дискриминирующий признак профессиональной успешности российских фрилансеров-разработчиков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №. 5 (159). С. 490–516.
- Вишневская Н., Зудина А. Экономически уязвимые группы молодежи в странах ОЭСР и России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 99–107.
- Гурова Е.В. Особенности занятости молодежи в условиях цифровизации экономики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. Т. 12. №. 1. С. 94–98.
- Золотина О.А. Рынок труда и занятость молодежи в России / О.А. Золотина, А.Т. Сагдеева // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. Т. 11. № 5. С. 71–78.
- Зудина А.А. Дороги, ведущие в NEET: случай России // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 2. С. 197–227.
- Зудина А.А. Есть ли в России молодежь NEET? Траектории входа и выхода // Российский рынок труда через призму демографии / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2020. С. 245–292.
- Ниорадзе Г.В. Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? // Социологический журнал. 2022. №. 4. С. 102–117.
- Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Е.С. Горват, Д.Е. Карева, Д.А. Стужук, К.О. Чертенков. [Электронный ресурс]. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Платформенная занятость: определение и регулирование / Авт. колл.: О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, А.П. Аптекарь, Е.С. Горват, Н.Б. Грищенко, Т.Б. Гудкова, Д.Е. Карева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Росстат. Итоги выборочного обследования рабочей силы. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 28.03.2024).
- Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. №. 2. С. 45–55.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2022.
- Центр стратегических разработок. Социальные гарантии для платформенных занятых в России — 2024. Результаты социально-экономического мониторинга. [Электронный ресурс]. 2024. URL:

- <https://www.csr.ru/upload/iblock/3ba/zvnuptb3q1rx4rzcochn3krxf5774wa7.pdf> (дата обращения: 16.02.2024).
- Чесалина О.В. Трудоправовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ // *European and Asian Law Review*. 2020. №. 1. С. 108–117.
- Шевчук А.В. и др. Труд водителей такси в условиях алгоритмического управления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №. 3. С. 356–381.
- Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // *Социология власти*. 2020. Т. 32. №. 1. С. 30–54.
- Agrawal A. et al. Digitization and the contract labor market // *Economic analysis of the digital economy*. 2015. Vol. 219. P. 89–110.
- Angrist J.D., Caldwell S., Hall J.V. Uber versus taxi: A driver's eye view // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 272–308.
- Berde É., Tóké L. The platform economy as a working opportunity for older people: the case of the Hungarian carpooling company Oszkár // *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 76–90.
- Berg J. Income security in the on-demand economy: findings and policy lessons from a survey of crowd-workers. Conditions of work and employment series No. 74. Geneva: ILO, 2016.
- Berg J. et al. Digital labour platforms and the future of work // *Towards decent work in the online world*. International Labour Organization Report. Geneva: ILO, 2018.
- Braesemann F. et al. The global polarisation of remote work // *Plos one*. 2022. Vol. 17. No. 10. С. e0274630.
- Braesemann F., Lehdonvirta V., Kässi O. ICTs and the urban-rural divide: can online labour platforms bridge the gap? // *Information, Communication and Society*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 34–54.
- Churchill B., Craig L. Gender in the gig economy: Men and women using digital platforms to secure work in Australia // *Journal of Sociology*. 2019. Vol. 55. No. 4. P. 741–761.
- EIGE and Eurofound. Gender differences in motivation to engage in platform work. Publications Office of the European Union, Luxembourg [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/system/files/2023-05/ef23049en.pdf> (дата обращения: 16.02.2024).
- Eurofound. New forms of employment: 2020 update. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020.
- Eurofound. Platform work can provide women with vital link to the labour market [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/news/2023/platform-work-can-provide-women-vital-link-labour-market> (дата обращения: 17.02.2024).
- Eurofound. Platform work: Gender [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/platform-work-gender> (дата обращения: 17.02.2024).
- European Commission. The use of collaborative platforms // *Flash Eurobarometer*. 2018. No. 467.
- Fabo B., Karanovic J., Dukova K. In search of an adequate European policy response to the platform economy // *Transfer: European Review of Labour and Research*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 163–175.
- Gerber C. Gender and precarity in platform work: Old inequalities in the new world of work // *New Technology, Work and Employment*. 2022. Vol. 37. No. 2. P. 206–230.

- Hara K. et al. Worker demographics and earnings on amazon mechanical turk: An exploratory analysis // Extended abstracts of the 2019 chi conference on human factors in computing systems. 2019. P. 1–6.
- Harpur P., Blanck P. Gig workers with disabilities: opportunities, challenges, and regulatory response // Journal of Occupational Rehabilitation. 2020. Vol. 30. P. 511–520.
- Hauben H., Lenaerts K., Waeyaert W. The platform economy and precarious work // Study. Luxembourg, 2020.
- Hoang L., Blank G., Quan-Haase A. The winners and the losers of the platform economy: Who participates? // Information, Communication and Society. 2020. Vol. 23. No. 5. P. 681–700.
- ILO. Global Employment Trends for Youth 2022: Investing in transforming futures for young people. Geneva: ILO, 2022.
- ILO. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. Geneva: International Labour Office, 2016.
- ILO. Online Labour Observatory. Online Labour Demand [Электронный ресурс]. URL: <http://onlinelabourobservatory.org/oli-demand/> (дата обращения: 23.04.2024).
- ILO. Realizing decent work in the platform economy. Geneva: International Labour Office, 2024.
- ILO. World Employment and Social Outlook 2021: The role of digital labour platforms in transforming the world of work. Geneva: ILO, 2021.
- ILO. Young people and the gig economy (Luis Pinedo Caro, Niall O’Higgins and Janine Berg) [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_790117/lang--en/index.htm (дата обращения: 02.03.2024).
- Kasliwal R. Gender and the gig economy: A qualitative study of gig platforms for women workers // ORF Issue Brief. 2020. Vol. 359. P. 1–14.
- Kässi O., Lehdonvirta V., Stephany F. How many online workers are there in the world? A data-driven assessment // Open Research Europe. 2021. Vol. 1. P. 1–53.
- Kittur A. et al. The future of crowd work // Proceedings of the 2013 conference on Computer supported cooperative work. 2013. P. 1301–1318.
- Kuhn K.M., Maleki A. Micro-entrepreneurs, dependent contractors, and instasferfs: Understanding online labor platform workforces // Academy of Management Perspectives. 2017. Vol. 31. No. 3. P. 183–200.
- Kwan H. Gendered precarious employment in China's gig economy: exploring women gig drivers' intersectional vulnerabilities and resistances // Gender and Development. 2022. Vol. 30. No. 3. P. 551–573.
- Lombana-Bermudez A. et al. Youth and the digital economy: Exploring youth practices, motivations, skills, pathways, and value creation // Berkman Klein Center Research Publication. 2020. No. 4.
- Milkman R. et al. Gender, class, and the gig economy: The case of platform-based food delivery // Critical Sociology. 2021. Vol. 47. No. 3. P. 357–372.
- Piasna A., Drahekoupil J. Gender inequalities in the new world of work // Transfer: European Review of Labour and Research. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 313–332.
- Rani U. et al. Women, work, and the digital economy // Gender and Development. 2022. Vol. 30. No. 3. P. 421–435.

Rani U., Kumar Dhir R., Furrer M., Göbel N., Moraiti A., Cooney S. World employment and social outlook: the role of digital labour platforms in transforming the world of work. Geneva: International Labour Organisation, 2021.

Rodríguez-Modroño P., Pesole A., López-Igual P. Assessing gender inequality in digital labour platforms in Europe // Internet Policy Review. 2022. Vol. 11. No. 1. P. 1–23.

Sannon S., Cosley D. Toward a More Inclusive Gig Economy: Risks and Opportunities for Workers with Disabilities // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2022. Vol. 6. No. CSCW2. P. 1–31.

Van Doorn N., Ferrari F., Graham M. Migration and migrant labour in the gig economy: An intervention // Work, Employment and Society. 2023. Vol. 37. No. 4. P. 1099–1111.

World Bank Blogs. The Promise and Peril of Online Gig Work in Developing Countries [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://blogs.worldbank.org/voices/promise-and-peril-online-gig-work-developing-countries> (дата обращения: 16.02.2024).

World Bank. Datta N., Rong C., Singh S., Stinshoff C., Iacob N., Nigatu N.S., Nxumalo M., Klimaviciute L. Working Without Borders: The Promise and Peril of Online Gig Work. Washington, DC: World Bank, 2023.

World Bank. Digital pathfinders: The role of youth in the online gig economy [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://blogs.worldbank.org/jobs/digital-pathfinders-role-youth-online-gig-economy> (дата обращения: 19.02.2024).

World Bank. The Promise and Peril of Online Gig Work Short Note Series #2: Is Online Gig Work an Opportunity to Increase Female Labor Force Participation? [Электронный ресурс]. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/dbac4cf69f83710414ce9848b0373525-0460012023/original/2-Short-Note-Series-Exploring-Gender-Aspects-Final-Version.pdf> (дата обращения: 22.02.2024).

Wu P.F. et al. Happy riders are all alike? Ambivalent subjective experience and mental well-being of food-delivery platform workers in China // New Technology, Work and Employment. 2022. Vol. 37. No. 3. P. 425–444.

Zwysen W., Piasna A. Pushed online: What characteristics of regional offline labour markets influence the expansion of Internet and platform work? // New Technology, Work and Employment. 2023.

Приложение. Методика оценки вклада платформ в занятость населения на основе выборочного опроса населения

В рамках представленных в настоящем докладе расчетов для оценки роли платформенной занятости в повышении трудовой активности россиян вычисляется доля работающего населения с учетом и без учета платформенной занятости.

К работающему населению без учета платформенной занятости относятся респонденты, определившие свое основное занятие на момент опроса как «учусь и работаю», «работаю и не на пенсии» или «работающий пенсионер» либо указавшие на выполнение какой-либо оплачиваемой в денежной или натуральной форме работы в течение 30 дней до опроса¹. При оценке этого статуса в 2022 г. из числа работающего населения без учета платформенной занятости при этом дополнительно исключаются респонденты, для которых работа через платформы, по их словам, является основной (рис. П.1). Поскольку структура анкеты 2022 г. не позволяет однозначно установить, является ли в таких случаях платформенная занятость единственной работой респондента, мы делаем такое допущение, если респондент определяет ее как основную². При работе с массивом данных за 2024 г. это дополнительное условие не применяется.

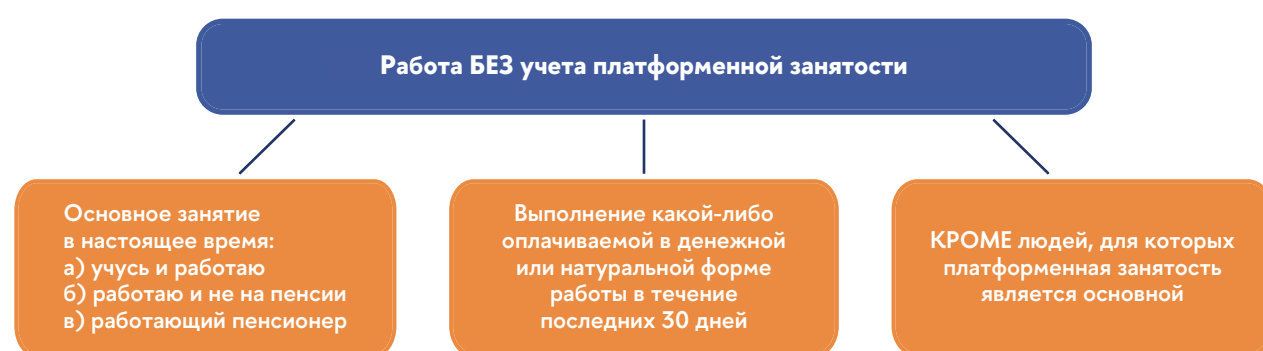

Рис. П.1. Определение показателя «Работа без учета платформенной занятости»

¹ Из категорий «Нахожусь в официальном отпуске по беременности и родам, уходу за ребенком» и «Из-за сложившейся экономической ситуации временно в отпуске (не уволен)» включены только те, кто выполнял работу на протяжении 30 дней до проведения опроса.

² В 2022 г. 187 респондентов указали платформенную занятость в качестве основной, из них 182 респондента относятся к работающим по приведенному выше определению (160 имеют работу по вопросу об основном статусе («работаю и учусь» / «работаю и не пенсионер» / «работаю и пенсионер»), еще 22 имели доход в течение 30 дней до проведения опроса).

Рис. П.2. Определение показателя «Работа с учетом платформенной занятости»

Платформенная занятость определяется на основе нескольких условий, среди которых выполнение работы через платформы в качестве основной занятости и частота осуществления заказов через платформы. Широкое определение платформенной занятости включает респондентов, выполнявших работу с использованием платформ в течение 12 месяцев до опроса (с любой частотой), узкое определение платформенной занятости предполагает выполнение работы с использованием платформ не реже одного раза в месяц.

Для определения численности работающих с учетом платформенной занятости объединяются группы, отнесенные к работающим без учета платформенной занятости и работающие с использованием платформ (рис. П.2).

Авторы доклада

Синявская Оксана Вячеславовна

кандидат экономических наук, заведующий
Центром комплексных исследований социальной
политики Института социальной политики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Бирюкова Светлана Сергеевна

кандидат экономических наук, ведущий
научный сотрудник Центра комплексных
исследований социальной политики
Института социальной политики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
ответственный редактор журнала
«Мониторинг общественного мнения:
экономические и социальные перемены»,
научно-методический департамент
Всероссийского центра изучения
общественного мнения (ВЦИОМ)

Карева Дарья Евгеньевна

научный сотрудник Центра комплексных
исследований социальной политики
Института социальной политики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Стужук Дарья Андреевна

стажер-исследователь Центра комплексных
исследований социальной политики
Института социальной политики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Электронное научное издание

Оксана Вячеславовна СИНЯВСКАЯ
Светлана Сергеевна БИРЮКОВА
Дарья Евгеньевна КАРЕВА
Дарья Андреевна СТУЖУК

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ: ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАНЯТЫХ

Экспертный доклад

Редактор:
Андрианова Н.В.

Корректор:
Андрианова Н.В.

Компьютерная верстка:
Маликина Л.В.

Дизайн обложки:
Быстрова О.А.

Формат 60x90/8. Гарнитура HSE Sans
0,35 Мбайт. Уч.-изд. л. 4,2. Изд. № 2851

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285